

Р-2
А-41

СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ

Грозный всадник

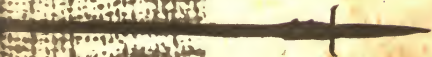
1929

99

1929

99-A

1929

Q

а

Р.
А-С

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

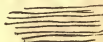

Сергей Алексеев

Грозный всадник

Рассказы о Степане Разине,
казаках
и
восставшем народе

Ю. Ракутина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Москва 1966

13893

Исторические рассказы о восстании крестьян и казаков под руководством Степана Разина.

Читатель узнает о великом народном походе, о тех реформах, которые проводили разинцы в освобождённых городах и селениях, об организации войск восставших, об их планах будущего преобразования России.

Глава первая
КАК ГОРОДА БЕРУТ
КНЯЖЕСКИЙ КОНЬ

Отряд верховых ехал крестьянским полем. Поднялись они на пригорок. Смотрят всадники — что за диво! Мужик пашет землю. Только не конь у него в сохе. Впряглись вместо лошади трое: крестьянская жена, мать-старуха да сын-малолеток.

Потянут люди соху, потянут, остановятся и снова за труд.

Подъехали конные к пахарю.

Главный из них глянул суровым взглядом:

— Ты что же, твоя душа, людишек вместо скотины!

Смотрит крестьянин — перед ним человек огромного роста. Шапка с красным верхом на голове. Зелёные сапоги на ногах из сафьяна. Нарядный кафтан. Под кафтаном цветная рубаха. Нагайка в руках кручёная.

«Видать, боярин, а может, и сам воевода», — соображает мужик. Повалился он знатному барину в ноги, растянулся на борозде.

— Сироты, сироты мы. Нету коня. Увели за долги кормильца.

Лицо всадника перекошилось. Слез он на землю. Повернулся к крестьянину.

Мужик попятился, вскочил — и бежать с испуга.

— Да стой ты, леший, стой ты! Куда?! — раздался насмешливый голос.

Мужик несмело вернулся назад.

— На, забирай коня, — протянул человек мужику поводья.

Опешил крестьянин. Застыли жена и старуха мать. Раскрылся рот у малого сына. Смотрят. Не верят такому чуду.

Конь статный, высокий. Масти сизой, весь в яблоках. Княжеский конь.

«Шутит барин», — решает мужик. Стоит. Не шелохнётся.

— Бери же. Смотри, передумаю! — пригрозил человек. И пошёл себе полем.

Верховые ринулись вслед. Лишь один молодой на минуту замешкался: обронил он случайно кисет с табаком.

«Всевышний, всевышний послал!» — зашептал обаддело крестьянин. Повернулся мужик к коню. И вдруг испугался: да не колдовство ли всё это? Потянулся он к лошади. Конь и дёрнул его копытом.

Схватился мужик за побитое место.

— Настоящий! — взвыл от великого счастья. — Кто вы, откуда?! — бросился мужик к молодому парню.

— Люди залётные. Соколы вольные. Ветры весенние, — загадочно подмигнул молодец.

— Да за кого мне молиться? Кто же тот, в шапке такой?!

— Разин. Степан Тимофеевич Разин! — уже с ходу прокричал верховой.

СТРАНА ИШПАГАНЬ

Степан Тимофеевич Разин родился на Дону в станице Зимовейской. Отец Степана, Тимофей Разя, воспитывал сына в казацких строгостях: будь честен, будь прям, друга не брось в беде, шапку не гни перед сильным. Вырос Разин статным, красивым, широкоплечим, широкогрудым. С малолетства сидел на коне как влитой. Кудри у Степана густы, как степные травы. Глаза чёрные-чёрные. Словно чёрным огнём горят.

— Казак, казак, — говорил старый Разя, поглядывая на сына. — Кровью — казак, видом — казак. Береги, сынок, честь казацкую смолоду...

В 1667 году, собрав до тысячи таких же молодцов, как и он сам, Степан Тимофеевич Разин перешёл с Дона на Волгу, потом на Яик, и отсюда Каспийским морем двинул в заморские

страны. Часто тогда казаки уходили на поиск далёких, свободных земель. Там, за морями, искали счастье. Ходили походами в Турцию, в Персию. Персию называли «страна Ишпагань». В гости к персидским ханам и повёл своих казаков Степан Тимофеевич Разин.

Распустили паруса казацкие струги. С волны на волну, с волны на волну плывут они выводком лебединым.

Всё дальше и дальше уходит родная земля. За каспийской волной скрывается.

Казаки — удалой народ. Не занимать им у смелых храбрости. Однако морской поход не прогулка в леса за ягодой.

— Что же ждёт нас в далёком краю?

— Как нас встретит страна Ишпагань?

— Суждено ли домой вернуться?

«Ишпагань, Ишпагань, — сам с собой рассуждает Разин. Стоит он на атаманском переднем струге. Смотрит на воду, на небо, в синюю даль. — «Ишпагань» — слово какое мудрёное».

Прошли казаки по Каспийскому морю. Побывали в Дербенте, в Ширване, в Баку. Есть в Персии город Решт, есть Фарабад, есть Астрабад. И здесь лихих донцов повидали. Сотни вёрст прошли казаки. Вступали с персами в жаркие схватки. Чуть не погибли, зимую в чужом краю. С эскадрой персидской бились. Проявили и ум и геройство. Однако свободной земли не нашли. Правда, вернулись назад с добычей.

Качает Каспий стрелецкие струги. Гонит к дому попутный ветер.

«Ишпагань, Ишпагань, — сам с собой рассуждает Разин, — нет свободной земли на свете. Да и стóит ли счастье искать за тысячу вёрст от до-

ма. Эх, скрутить бы боярство в своём краю! Людям бы хлеб и волю».

Дерзкие думы у Разица.

«Ишпагань, Ишпагань, — нет свободной земли на свете».

Вот и берег родной вдали. Чайки криком людей встречают.

ЧАЛМА

Вернулись казаки из похода. Стали на отдых в Астрахани. Уходили в персидские земли — жалко было на них смотреть. Обносились совсем казаки. Рубахи и те не у каждого были. На одежонках дырка к дырке тогда лепилась.

Ну, а теперь глянешь на казаков — зарядит в глазах. Кто в кафтане суконном, кто в бархатном. Кто в лисьей шубе, кто в соболиной. Халаты почти у каждого — алые, жёлтые, вишнёвые, в малиновый цвет.

Август. Солнце палит пожаром. Пот ручьями с любого льётся. Однако терпят лихие донцы. Ходят в кафтанах, халатах и шубах. Нарядом своим красуются.

При разделе персидской добычи Кривому Симошке досталась чалма. Чалма дорогая, шелковая. Золотом, жемчугом шитая. И размером как раз на Симошку. Напялил на чуб свой казак чалму. Глянешь теперь на Симошку, словно это идёт не казак, а шествует важный турок.

Нравится Симошка себе в чалме. Народ на Симошку поразинувши рты глазеет. Следом мальчишки толпой бегут.

Идёт Симошка, глазом кривым на людей косит, по-глупому как-то, по-заячьи улыбается.

Встретил дружка Гаврилу Большого — похвастал своей чалмой.

Встретил Любимку Непейвода — этому тоже чалмой похвастал.

— Золотом, жемчугом шитая, — объясняет любому Симошка. — Такая чалма стоит двести казацких шапок. Её до меня сам турецкий паша носил.

Гулял, расхаживал казак по улицам Астрахани и вдруг нос к носу столкнулся с Разиным.

Остановился Разин, посмотрел на необычный вид казака, на чалму, на кривой глаз, на глупую улыбку Симошки, ткнул пальцем, проговорил:

— Турок?

Опешил Симошка.

— Батюшка атаман, я же казак. Я же Симошка Кривой, — поспешно добавил.

— Что кривой — это вижу, — ответил Разин. — Кривой есть, казака же не вижу.

— Я же с Дону, батюшка Степан Тимофеевич. Мы же разом с тобой в Ишпагань ходили. Я же казак, казак, — уверяет Симошка.

— Не вижу, не вижу, — повторил Разин. Голос стал у него суровым.

Сообразил Симошка, в чём дело, не таким уж был глупым, скинул поспешно чалму.

Посмотрел Степан Тимофеевич на казака и снова сказал:

— Нет казака. Не вижу.

Ёкнуло тут у Кривого Симошки сердце. Показалось ему, что Разин потянулся к казацкой сабле. «Ну как возьмёт зарубит».

— Один минут! — закричал Симошка.

Рванулся он в сторону, к торговым рядам. Прошла минута — и впрямь вернулся. Нет у Си-

— Что-то ты, Стенька, мутишь народ! — строго сказал атаман.

— Я ли мучу, Корнила? Может, бояре тому виной? Вот бы кого к ответу.

— Не балуй, казак, не балуй!

Корнила — старший здесь на Дону. Перед царём он за всё в ответе.

— Ты, Стенька, язык припречь. Добром говорить, по-свойски.

— Эх, Корнила, Корнила Яковлевич! — Разин с усмешкой глянул на атамана. — Высоко ты, видать, взлетел. Прибился к боярской стае. Да как бы с небес не рухнуть.

Насупился Ходнев. Уж больно дерзкие речи ведёт казак. Да за такие слова... Однако осторожен войсковой атаман. Знает: на Дону Разин в большом почёте. Сила стоит за Разиным. Решил Корнила пока не ссориться.

— Ну-ну, так ты за какую Русь?

— Нет ни бедных тебе, ни богатых. Равен один одному. Вот за какую Русь, — ответил Корниле Разин.

ГОЛОВА

1670 год. Как и три года тому назад, Разин снова пришёл на Волгу. Но не за поживой собрался теперь атаман. Не в землях далёких разыскивать счастье. За счастье на русской родной земле решил Степан Тимофеевич биться. Объявил он войну боярству.

Первый город на пути у восставших — Царицын. Чуть выше города на крутом берегу устроили разинцы лагерь.

— Нам бы, не мешкав, Царицын брать, — пошли среди казаков разговоры.

Сюда же к Разину явились и царицынские горожане:

— Приходи, батюшка, властвуй. Ждут людишки тебя в Царицыне. Дело-то наше общее. Откроем тебе ворота.

— Бери, бери, атаман, Царицын, — наседают советчики.

Однако Разин не торопился. Знал он, что сверху по Волге движется на стругах к Царицыну большое стрелецкое войско. У стрельцов пушки, мушкеты, пищали. Ратному делу стрельцы обучены. Ведёт их знатный командир голова Лопатин. «Как же с меньшими силами побить нам такую рать? — думает Разин. — В городе тут не схоронишься. Разве что дольше продержишься. А нам бы под корень. В полный казацкий взмах».

Всё ближе и ближе подплывает Лопатин к Царицыну.

— Бери, атаман, твердыню! — кричат казаки. Не торопится, мешкает Разин.

Каждый день посылает Лопатин вперёд лазутчиков. Доносят они начальнику, как ведут себя казаки.

— Стоят на кручах. Город не трогают.

— Дурни, — посмеивается голова Лопатин. — Нет среди них доброго командира!

— Батюшка, батька, отец, Царицын бери, Царицын! — вновь умоляют казаки атамана.

Молчит, словно не слышит призывов Разин. И вдруг Разин куда-то исчез.

Тем делом лопатинский караван поравнялся с казацкими кручами. Открылась оттуда стрельба.

«Стреляйте, стреляйте! — язвит Лопатин. — То-то важно, кто победное стрельнёт».

Держится он подальше от опасного берега. Вот и Царицын вдали. Вот уже рядом. Вот и пушка салют-привет ударила с крепости.

Доволен Лопатин. Потирает начальник руки.

И вдруг... Что такое?! С царицынских стен посыпались ядра. Одно, второе, десятое, сотое... Летят они в царские струги. Наклоняются, тонут струги, как бумажные корабли.

На высокой городской стене кто-то заметил широкоплечего казака в атаманском кафтане.

— Разин, Разин в Царицыне!

— Разбойники в городе!

— Стой, повертай назад!

Но в это время, как по команде, и с левого и с правого берега Волги устремились к каравану челны с казаками. Словно пчёлы на мёд, полезли разинцы на стрелецкие струги.

— Бей их! Круши!

— Голову руби голове!

Сдались стрелецкие струги.

— Хитёр, хитёр атаман! — восхищались после победы восставшие. — Ты смотри — обманул голову! До последней минуты не брал Царицына.

— У головы — голова, у Разина — две, — шутили разинцы.

РАЗИНСКИЙ ГОРОДОК

— Хитёр атаман, хитёр! — ещё долго говорили разинцы, после того как побили они Лопатина.

— Хитёр, — соглашались и те, кто был вместе с Разиным три года назад в Персидском походе.

И тут же начали вспоминать, как Разин взял Яицкий городок. А брал он его потому, что нужно было перед морским походом казакам где-то перезимовать. Воеводы же добром пустить казаков не хотели.

Вот как это было.

Река Яик. Каспийское море. Яицкий каменный городок.

Высокие яицкие башни, стены метровы, ворота дубовы. Не городок, а твердынь.

«Тут отдыхать моим казакам, — раздумывал Разин. — Да только пойді возьми городок! Полвойска у стен уложишь».

И вот однажды Разину доложили — в степи схвачены люди. Человек тридцать. Идут в Яицкую крепость. Богомольцы. Монахи.

Хотел Разин сказать: «Людишки святые, мирные. Отпустите, пусть-ка идут». Да вдруг спохватился:

— Эн постойте. Ведите сюда.

Явились монахи.

— Раздевайся! — Позвал он казаков: — Одевайся!

Поменялись они нарядами.

Неспокойно в Яицкой крепости. Знают стрельцы, знает начальник, что где-то Разин рядом в степи. Того и гляди, под стены пожалует.

Усилил начальник охрану крепости. Строго наказал никого не выпускать и не впускать без доклада. К ночи ворота на все засовы.

Солнце клонилось к закату. Стоят дозорные в караулах. Смотрят внимательно в степь. Вдруг

видят — движется к городу группа людей. При-
смотрелись — монахи.

Подошли богомольцы к воротам:

— Откройте.

Смутились охранники:

— Куда вы?

— В соборы яицкие. К иконам святым на по-
клон.

— Ночуйте в степи. Не велено, странники.

— Ах вы безбожники! — зароптали монахи. —
Ужо попомнит господь...

Караульные посовещались. Пошли доложили
начальнику.

— Сколько их?

— Душ тридцать.

— Впустите. Да смотрите, чтобы лишку не
оказалось.

Тем делом стало совсем темно. Вернулись
посыльные. Открыли засовы. Бородатый стре-
лец, впуская по одному, стал пересчитывать бо-
гомольцев.

— Один, второй... двадцатый... тридцатый.
Стойте!

— Ты что, борода, считать не умеешь? — по-
слышался чей-то голос. — Ещё и двадцати не
прошло.

«Что такое? — растерялся стрелец. — Вот уже
сорок. Вот уже пятьдесят. Вот уже и мужики по-
пёрли. Вот и лошадиная морда сунулась. Один
верховой, за ним — второй, за вторым — третий.

— Стойте! Стойте! — кричит охранник.

Да где тут! Подбежал к нему здоровенный де-
тина. Зажал рот приготовленным кляпом.

Пока поняли в крепости, в чём дело, пока
подняли крик, было уже поздно.

Так и достался Яицкий городок Разину без всякого боя. Правда, на улицах постреляли. Да это уже не в счёт.

Был городок боярский. Стал разинский городок.

«СПАСИ-И-ТЕ!»

Разин сидел на берегу Волги. Ночь. Опёрся Разин на саблю, задумался:

«Куда повернуть походом? То ли на юг — вниз по матушке-Волге, к Астрахани, к Каспийскому морю. То ли идти на север — на Саратов, Самару, Казань, а там — и на Москву.

Москва, Москва! Город всем городам. Вот бы куда податься! Прийти, разогнать бояр. Да рано. Силы пока не те. Пушек, пороху маловато, пищалей, мушкетов. Мужики к войне не привычны. Одежка у многих — рвань. Стало, идти на юг, — рассуждает Степан Тимофеевич. — Откормиться. Одеться. Войско отладить. А там... — У Разина дух захватило. — А там — всю боярскую Русь по хребту да за горло!»

Сидит атаман у берега Волги, думает думы свои. Вдруг раздался крик от реки. Вначале тихий — Разин решил, что ослышался. Потом всё громче и громче:

— Спаси-и-те!

Темень кругом. Чернота. Ничего не видно. Но ясно, что кто-то тонет, кто-то бьётся на быстрине.

Рванулся Разин к реке. Как был в одежке, так и бухнулся в воду.

Плывёт атаман на голос. Взмах, ещё взмах:

— Кто там — держись!

Никто не ответил.

«Опоздал, опоздал, — сокрушается Разин. — Погиб ни за что человек». Проплыл ещё с десяток саженей. Решил возвращаться назад. Да только в это самое время метнулась перед ним косматая борода и дёрнулись чьи-то руки.

— Спаси-и-те! — прохрипел бородач. И сразу опять под воду.

«Эн, теперь не уйдёшь!» — повеселел атаман. Нырнул он и выволок человека. Вынес на берег. Положил на песок. На грудь принажал коленкой. Хлынула вода изо рта у спасённого.

— Напился, — усмехнулся Степан Тимофеевич.

Вскоре спасённый открыл глаза, глянул на атамана:

— Спасибо тебе, казак.

Смотрит Разин на незнакомца. Хилый, иссохшийся мужичонка. В лаптях, в рваных портках, в холщовой, разлезшейся по бокам рубахе.

— Кто ты?

— Беглый я. К Разину пробираюсь.

Мужик застонал и забылся.

В это время на берегу послышались голоса:

— Ба-а-тюшка! Атаман! Степа-ан Тимофеевич!

Видать, приближённые ходили, искали Разина. Разин ступил в темноту.

Поравнялись казаки с мужиком. Наклонились, прислушались.

— Дышит!

Потащили двое спасённого в лагерь, а другие пошли дальше берегом Волги.

— Ба-а-тюшка! Атаман!

Утром сотники доложили Разину, что ночью

кто-то из казаков спас беглого человека. Только кто — неизвестно. Не признаются в казачьих сотнях.

— Видать, не всех опросили? — усмехнулся Степан Тимофеевич.

Пробыв несколько дней в Царицыне, Разин дал команду идти на Астрахань.

НЕ ОСУДИТ

Идёт вниз по Волге Разин.

— Разин идёт, Разин!

— Степан Тимофеевич Разин!

Неспокойно в государстве Российском. В страшной тревоге бояре и царские слуги. Восстал, встрепнулся подневольный, угнетаемый люд.

— Слава Разину, слава!

Боярин Труба-Нащокин истязал своего крепостного. Скрутили несчастному руки и ноги, привязали вожжами к лавке. Стоит рядом боярин с кнутом в руке, бьёт по оголённой спине крестьянина.

— Так тебе, так тебе, племя сермяжное! Получай от меня, холоп! Научу тебя шапку снимать перед барином!

Ударит Труба-Нащокин кнутом, поведёт ремень на себя, чтобы кожу вспороть до крови. Отдышится, брызнет солёной водой на рану. И снова за кнут.

— Батюшка, Ливонтий Минаич, — молит мужик, — пожалей! Не губи. Не было злого умысла. Не видел тебя при встрече.

Не слушает боярин мольбы и стоны, продолжает страшное дело.

Двигается Львов со стрельцами, солдатами.
— Ужо берегись, злодей!

На полпути между Царицыном и Астраханью находился небольшой городок Чёрный Яр. Разин первым пришёл к Чёрному Яру. Взял городок и подумал: «Место для боя как раз хорошее».

Место действительно было удачным. У самого города — волжский изгиб. За изгибом лодкам казацким укрыться можно. Берега Волги густо поросли камышом. Вот и второе прибежище.

Решил Степан Тимофеевич у Чёрного Яра дожидаться Львова. Выслал вперёд дозорных. А узнав от дозорных, что стрелецкие струги приближаются к городу, приказал немедленно собрать к нему черноморских баб.

— Баб?! — поразились сотники.

— Их самых, — ответил Разин.

«К чему бы это? — гадали разинцы. — Интересно, что отец атаман задумал?»

Собрались бабы, и молодые и старые. Не ожидали подобной чести. Любопытство их берёт. Притихли. Ждут атаманского слова.

— Здравствуйте, цветики-ягодки! — обратился к ним Разин.

— Здоровья тебе, атаман! — поклонились черноморские женщины.

— Как детишки, как внуки, не быют ли вас мужики с похмелья? — задаёт вопросы Степан Тимофеевич. И вдруг: — Почему бельишко на Волгу стирать не ходите?

— Так ведь боязно, отец атаман. Стрелецкое войско подходит к городу. Оно ведь не ровён час...

— Да что вам войско — вы сами войско, — усмехнулся Степан Тимофеевич. — А ну, соби-

райтесь, бельишко в руки, ступайте к Волге. Позже пройдуся, проверю.

— Ну и ну, — поражались женщины, — вождь-то казацкий, никак, с причудами.

Отпустив черноморских баб, Разин приказал вызвать рыбаков.

Собрались к нему рыбаки.

— Здравствуй, народ рыбацкий!

— Здравья тебе, атаман!

— Ну, как тут у вас улов?

— Да ловится рыбка, отец атаман. И большая приходит, и малая.

— Что ж вы сидите дома?

— Так ведь боязно, отец атаман. Стрелецкое войско подходит снизу. Оно ведь не ровён час...

— А я-то думал — рыбацкий народ из смелых! — подзадорил Степан Тимофеевич. — Ошибся, выходит.

— Не ошибся. Нет, нет. Не ошибся! — шумят рыбаки.

— Что же, раз так, то ступайте с богом.

Ушли рыбаки от Разина. Шепчутся между собой:

— Вождь-то казацкий, никак, с причудами. Ушицы небось атаман захотел.

Князь Львов, как и Разин, тоже выслал вперёд разведчиков. Ходили лазутчики к Чёрному Яру, вернулись, рассказали, что у города всё спокойно. Бабы бельё стирают. Рыбаки свои сети тянут.

— Не видно разбойников, князь Семён.

Подошли стрелецкие струги к Чёрному Яру. И вправду: бабы бельё стирают, рыбаки свои сети тянут. Стоят не шелохнутся по берегам камыши.

Зевнул князь Львов, посмотрел на палящее солнце, дал команду причаливать к берегу.

И вдруг — что такое? Не верит стрелецкий начальник своим глазам. Из-за поворота реки, на всём ходу, под парусами, на вёслах, с диким свистом и громким криком, навстречу стрелецким стругам вылетают челны с казаками.

И в ту же минуту зашевелились кругом камыши, закачались они, расступились, и на широкую волжскую гладь, уже сзади стрелецкого войска, метнулись десятки казацких лодок.

— Сарынь на кичку! — взорвало воздух.

— Са-ары-ынь на ки-ичку-у-у!

Через час всё было закончено. Князь Львов с петлёй на шее был притащен на разинский струг.

Казаки тут же хотели повесить Львова. Однако Разин его пощадил.

— Да он и стрельнуть, поди, ни в кого не успел! — усмехался Степан Тимофеевич. — Пусть поживёт, раз он мирный такой по натуре.

АСТРАХАНЬ

Астрахань. Разбушевалась в ту ночь непогода. Тучи со всех сторон обложили небо. Где-то вдали полыхали зарницы. Долгим раскатом катился гром.

Астраханский воевода Иван Прозоровский стоял у Вознесенских ворот на стене, при каждом раскате бледнел, крестился. Не любил Прозоровский грозу, с детства боялся грома.

Три дня как Разин стоит у города. Три дня и три ночи воевода, стрельцы и солдаты атаки на город ждут.

Астрахань — сильная крепость. Тут и ров. Тут и вал. Стены не то что царицынские, там — деревянные, здесь они каменные. Там высота их в десяток локтей, здесь без малого в двадцать метров. Там ширина их от силы в сажень, тут хоть скачи ты по ним на тройках. Не каждое войско крепость такую возьмёт. Да и стрельцов и солдат в ней двенадцать тысяч.

Надёжны стены, солдат достаточно, и всё же Прозоровский живёт в тревоге. Нет на душе у него покоя. Уж больно шепчутся люди в городе. Эх, ненадёжный пошёл народ! Как бы не быть измене!

Вот и сегодня стоит воевода у Вознесенских ворот на стене, в темноту непроглядную смотрит.

«И чего он, разбойник, ждёт? — теряется в догадках Иван Прозоровский. — Снова хитрость, видать, задумал. Может, роют под стены сейчас подкоп? Или подмога спешит к злодею? То ли будут крепость измором брать. Или просто на жилах моих играют».

Все эти дни и казаки не могут понять атамана. Приставали они не раз:

— Отец атаман, что же стоим без дела? Нам бы грудью пойти на стены.

— Можно и грудью, а лучше умом, — отвечал недовольным Разин.

И вот только сегодня, на четвёртую ночь, не днём, а именно в ночь, в грозовую, в ненастную, подал Разин команду к штурму.

Подивились опять казаки:

— Оно же темно, как у зайца в ухе! Да тут

пенароком в такой темноте вместо астраханских стрельцов саблей брата родногохватишь.

— А вы саблей — того, потише. Не каждому ставьте знак, — загадочно бросил Разин.

Стоит Прозоровский у Вознесенских ворот на стене. Чтобы укрыться от непогоды, воротник кафтана поднял. Стряхнул с бороды дождевую капель. Принялся думать опять о Разине.

«Спит небось, вурдалак, в шатре. Или хмельное, разбойник, хлещет. А ты тут, как мерин, мокни».

Вновь полыхнула молния. Осветила она округу. Вздогнул воевода, хотел закреститься, но глянул на степь и ахнул — разинцы шли на штурм.

— К бою, к бою! — взревел Прозоровский. — Ну и разбойник — дня ему мало!

Ждал тёмной ночи Степан Тимофеевич все не зря. Был уверен, что во время штурма астраханцы ему помогут. Помогать же лучше, когда темно. Не сразу стрельцы заметят.

— Вы тише саблями, тише, — ещё раз говорил казакам атаман. — Не каждый враг, кто сидит на стене. Там и друзей найдёте.

Так и случилось.

Как только начали разинцы штурм, так сразу и тут, и там, и в месте одном, и в другом, и в пятом, и среди горожан, и даже среди стрельцов появились сотни у них помощников. Кто лестницу разинцам сбросит, кто стрельнёт поверх голов, кто просто руку подаст штурмующим.

А какой-то озорной молодец кричал на стене до хрипа:

— Бей супостата! Злодея бей!

А сам в это время опускал со стены верёвку и очередного «злодея» тянул на стену.

Правда, кое-где и стояли насмерть стрельцы. Бились, живота не жалея. Но не эти брали в ту ночь числом. И не за ними была победа.

Ворвались разинцы в Астрахань.

Покорилась восставшим Астрахань.

СТРАШНЕЕ ДЬЯВОЛА

Астраханские мальчишки Лукашка Нагой и Мокапка Раков крутились на площади возле Приказной палаты. Видят: казаки на площадь поленья и хворост сносят, разжигают большой костёр.

К одному из казаков и полезли мальчишки с вопросом:

— Дядька, для чего же такое огниво?

Казак озорной. Шрам на щеке. Шапка чудом на ухе держится. Подумал казак, посмотрел на ребят, подмигнул им задиристо, весело:

— Дьявола будем, ребята, казнить. Сожгём и пепел по ветру пустим!

Усмехнулся Лукашка Нагой. Понимает, что разинец шутит. А Мокапка принял слова всерьёз. Побежал он по улицам и каждому встречному:

— Казаки дьявола будут казнить!

— Казаки дьявола будут казнить!

— Сожгут и пепел по ветру пустят!

Кричал Мокапка с такой силой, что голос себе сорвал. Впрочем, и без Мокапки много народу к костру собралось. Лица у всех оживлённые, что-то, видимо, знают люди. Вернулся мальчишка на площадь, просунулся в первый ряд.

Вскоре из Приказной палаты четверо казаков вынесли огромный сундук.

«Ага, — соображает Мокапка, — вон он, дьявол, куда запрятан!»

— Там дьявол сидит, — зашептал Мокапка своим соседям. — Казнить его будут сейчас казаки. Сожгут и пепел по ветру пустят.

Усмехнулся какой-то парень:

— Верно, Мокапка, верно. Дьявол сидит в сундуке. Даже то, что страшнее дьявола.

Поднял Мокапка глаза на парня. Что же страшнее дьявола?! Но тут вышел на площадь Разин.

— Здравствуй, отец атаман! — закричали восторженно люди.

— Слава, батька, слава!

По донскому обычаю Разин снял шапку, поклонился народу.

Кто-то крикнул:

— Ура!

— Ура-а-а! — подхватила площадь.

Мокапка тоже крикнул «ура». Но сорванный голос звучал пискливо.

Обведя взглядом людей и площадь, Разин шагнул к сундуку. Казаки тут же отбросили крышку.

Все стихли. Мокапка от страха закрыл глаза. Схватился за чью-то рубаху.

Когда через минуту мальчик снова глянул на площадь, то поначалу так ничего и не понял. Ищет Мокапка чудища. Нет никакого чудища. Разин стоит, держит в руках бумаги.

— Вот она, ваша неволя, — поднял над головой и потряс бумагами Разин. — Кабала ваша, муки ваши — всё тут.

Сообразил Мокапка, что в сундуке. Так это ж бумаги из Приказной палаты! Однако почему

бумаги страшнее дьявола, мальчик сразу понять не мог. Мал был Мокапка. Не знал он, что за каждой такой бумагой чьё-то горе и чья-то жизнь: кто приписан к боярину, кто в должниках записан, кто по доносу расправы ждёт.

— А ну, астраханцы, — обратился Разин к тем, кто стоял к нему ближе, — начинай-ка святое дело!

Степан Тимофеевич первым бросил бумаги в огонь. Лизнуло их пламя. Секунда — и от грозных всесильных бумаг лишь пепел поднялся к небу.

— Батька, родной, спасибо! — кричал испуганно народ.

По лицу Разина забежали отблики пламени. Перекрывая шум площади, Разин бросал слова:

— Всем вам воля, народ астраханский. Ступайте, куда хотите. Живите по высшей совести. Нет больше бояр и богатых господ над вами. Стойте за волю, за великое наше дело. Отныне вы сами себе голова.

— Ура! — не смолкало на площади.

И даже у Мокапки снова прорезался голос.

— Ура! — голосил Мокапка.

ТРЕТЬ АРШИНА

При взятии городов Разин строго наказывал никому из купцов не чинить обиды.

— Мы их не тронем, отец атаман, — отвечали восставшие. — Они бы нас не обидели.

— Обидишь вас! — усмехнулся Степан Тимофеевич. — А обидят: обмерят, обвесят — так взыск. Моим атаманским именем.

Вступили разинцы в Астрахань. Открыли купцы свои лавки, разложили товары. Разин сам прошёл по рядам. Даже купил сапожки. Красные, маленькие — гостинец для дочки своей, Параша.

Вернулся Степан Тимофеевич в свой атаманский шатёр. Доволен. Бойко, мирно идёт торговля.

Толпится народ у лавки купца Окоёмова. Торгуется купец атласом и шёлком. Покупают казаки красные, зелёные, жёлтые штуки себе на выходные рубахи. Отмеряет купец. Отмеряет и думает: «Или я уже не купец, или я человек не торговый, чтобы при такой-то удаче и не обмерить?» Перекрестился купец и стал каждому по трети аршина недорезать.

Прошло полдня, как вдруг кто-то из казаков заметил обман. Стали казаки проверять свои шелковистые штуки. И у одного, и у второго, и у пятого, и у десятого по трети аршина в куске не хватает.

— Держи его, нечестивца!

— К ответу злодея!

Схватили купца покупатели. Вытащили из лавки, тут же устроили суд.

Через час дежурный есаул докладывал Разину:

— Дюже обозлился народ. Укоротили купца.

— Как — укоротили? — не понял Разин.

— На треть аршина.

— Как — на треть аршина?!

— Голову с плеч.

— Тыфу ты! — ругнулся Разин. — Ну-ка зови обидчиков.

Явились казаки к атаману.

В страшном гневе кричит на них Разин:

— За треть аршина — жизни купца лишили! Кровью за тряпки брызнули?

— Не гневись, не гневись, атаман, подумай, — отвечают ему казаки. — Да разве в аршинах дело. Воровскую голову с плеч — лишь польза народу. Тут бы и нам, и внукам, и правнукам дело такое попомнить. Не гневись, атаман.

Остыл Разин:

— Ладно, ступайте.

«Нужен, нужен купец народу, — рассуждал про себя Степан Тимофеевич. — Нельзя без торгового люда. Да ведь и беда от него немалая, когда Окоёмовы такие заводятся. Может, и правду решили люди».

ДВЕ РУКИ

Группа беглых крестьян пробиралась на Волгу к Разину.

Шли ночами. Днями отсыпались в лесах и чащобах. Держались подальше от проезжих дорог. Стороной обходили селенья. Шли целый месяц.

Старший среди мужиков, рябоватый дядя Митяй поучал:

— Он, атаман Степан Тимофеевич, — грозный. Он нератных людей не любит. Спросит: «Владеете саблями?» — говорите: «Владеем». — «Колете пикой?» — «Колем».

Явились крестьяне к Разину:

— Принимай, отец атаман, в войско своё казацкое.

— Саблей владеете?

— Владеем.

— Пикой колете?

— Колем.

— Да ну? — подивился Разин. Приказал привести коня. — Залезай, борода, — показал на дядю Митяя. — Держи саблю.

Не ожидал дядя Митяй проверки. «Пропал, пропал! Казнит за враньё атаман». Стал он выкручиваться:

— Да мы больше пеше.

— В казаках да и пеше?! А ну-ка залазь!

— Да я с дороги, отец, устал.

— Не бывает усталости ратному человеку.

Смирился дядя Митяй. Подхватили его казаки под руки, кинули верхом на коня. Взялся мужик за саблю.

Гикнули казаки. Помчался по полю конь. Непривычно дяде Митяю в седле. Саблю впервые держит. Взмахнул саблей, да тут же и выронил.

— Сабля с норовом, с норовом. Не даётся саблюка! — гогочут вокруг казаки.

— Зачем ему сабля? Он лапти по ворогу! — пуще всех хохочет Степан Тимофеевич.

Обидно стало крестьянину. Набрался он храбрости. Подъехал к Разину и говорит:

— Зря, атаман, смеёшься. Стань за соху — может, мы тоже потешимся.

Разгорячился от смеха Разин:

— Возьму да и стану!

Притащили ему соху. Запрягли кобылицу. А Разин, как и все казаки, от роду не пахивал поле. Думал — дело простое. Начал — не ладится.

— Куда, куда скривил борозду! — покрикивает дядя Митяй.

— Мелко, мелко пласт забираешь. Ты глубже, глубже давай землю, — подсказывают мужики.

Нажал атаман посильнее — лопнул сошник.

— Соха с норовом, с норовом. Не даётся, упрямая! — засмеялись крестьяне.

— Да зачем казаку соха? Он саблей землю вспашет! — похихикивает дядя Митяй.

Посмотрел Разин на мужиков. Насупился.

Крестьяне в момент притихли. Дядя Митяй ухватился за бороду: «Эх, осерчает сейчас атаман!»

Однако Степан Тимофеевич вдруг рассмеялся.

— Молодец, борода! — похлопал по плечу дядю Митяя. — Благодарю за науку. — Эй! — закричал казакам. — Не забижать хлебопашный народ. Выдать коней, приклад. Равнять с казаками. — Потом задумался и добавил: — И пахарь и воин что две руки при одном человеке.

Глава вторая

ВЫШЕ ДЕРЕВЬЕВ ВЗЛЕТЕЛИ КАЧЕЛИ

ЦАРСКОЕ ЛОЖЕ

Простояв месяц в Астрахани, Разин начал поход вверх по Волге: на взятый уже Царицын, и дальше на Саратов, Самару, Симбирск, Казань.

Часть армии на стругах и лодках поплыла Волгой. Растянулись отряды на несколько вёрст. Двести судов и лодок в отрядах Разина. Другая часть войска двинулась берегом.

До Царицына шли знакомой дорогой, то есть той же, которой шли от Царицына к Астрахани. Разница только в том — раньше спускались по Волге вниз, теперь подымались навстречу течению. Двигались раньше с боями. Теперь по вольной земле ступали.

Через несколько дней показался вдали Царицын.

Приготовили в городе Разину для отдыха целый боярский дом. Дом каменный, крыша железная, ступени из мрамора, дубовая дверь.

— Отец, для тебя, для твоей особы.

Ведут горожане Разина из горницы в горницу:

— Тут вот боярин ел.

— Тут вот боярин пил.

— Это ещё не всё!

Идёт Степан Тимофеевич по барским хоромам, налево, направо глянет.

— Тут вот боярин господу богу поклоны бил, — продолжают объяснять горожане.

— Тут вот порол дворовых.

— Это ещё не всё!

Сменяет горница горницу. Довольны царицынцы. Каждый про себя рассуждает:

«Ну, будет батюшка Степан Тимофеич доволен».

«Палаты самим палатам».

«Попомнит отец Царицын!»

Привели они Разина в боярскую опочивальню.

— Царское, батюшка, ложе, — показали ему на кровать.

Кровать необычная. Ножки высокие. Полог со всех сторон. На перине лежит перина.

А сверху ещё перина. На подушке лежит подушка. А сверху ещё подушка. Ляжешь в такую мягкость, как в глубокой реке утонешь.

Поклонились, ушли горожане. Остался Разин один. Глянул на стены — метровые стены. Хоть из пушек по ним пали. Глянул на окна — окна всего с ладонь. Ни неба, ни звёзд не видно. Поднял Разин голову кверху. Повис над ним каменный потолок, словно плита могильная. Посмотрел Степан Тимофеевич себе под ноги — пол под ногами каменный. Камень сверху, камень снизу, камень со всех сторон.

Снял Разин пояс, снял сапоги и саблю, сунул пистолеты к себе в изголовье, разделся, лёг.

Лежит, утонувши в перинах, Разин. Непривычно лежать, как боярину, казаку. Смотрит на каменный потолок, на оконца в ладонь, на метровые стены. Душно в хоромы Разину. Устал Степан Тимофеевич за день. Сон клонил атамана, в глаза просился. А тут вдруг пропал.

К тому же блохи его одолели. Злее этих боярских блох разве что только голодные волки. Кушали они атамана, забыв о любом почтении.

Прокрутился Степан Тимофеевич целый час. В подушках, в перинах запутался. Исцарапал ногтями тело.

— Да будь ты проклято! — не сдержался Разин.

Встал он с боярской постели. Снова саблю надел и ремень, сапоги натянул казацкие. Пистолеты засунул за пояс.

Прошёл Степан Тимофеевич из горницы в горницу и вышел наружу.

Обступила Разина ночная прохлада. Вольный ветер в лицо ударил. Моргнули на небе звёзды.

Расправил Степан Тимофеевич грудь. Вобрал в себя свежий воздух.

Осмотрелся Разин вокруг. Заметил в углу двора сеновал. К нему и направился. Лёг на душистое сено. И тут же богатырски уснул.

Возвращаются горожане к себе домой.

— Ну, будет батюшка Степан Тимофеевич доволен.

— Да куда уж — палаты самим палатам.

— Попомнит отец Царицын!

И правда, запомнил Царицын Разин. На хоромы боярские смотреть с той поры не мог.

ДВЕНАДЦАТЬ ДВАЖДЫ

Обветшали в Царицыне крепостные стены. Брёвна местами подгнили, местами и вовсе выпали. Вал земляной обсыпался.

Решил Разин царицынский кремль чинить.

— Без крепостей нам пока нельзя. Они и для нас защита.

Приказал Степан Тимофеевич, чтобы на работу явились все.

— Всем на стенах работы хватит. Эх, за такие-то стены давно б воеводу пора на виселицу! Чтобы явились все, — повторил атаман. — А ежели кто заупрямится: казак ли, мужик, горожанин — быть за это тому в ответе, сечь нещадно при всех кнутами.

Дружно пошла работа.

Разин и сам подхватил топор. Скинул кафтан Степан Тимофеевич, сплюнул себе на руки. Начал тесать бревно. Размахнулся. Ударил. Крякнул. Опять размахнулся. Крякнул. Играет топор

в умелых руках. Лишь щепки летят во все стороны.

Смотрят на Разина разинцы. Поспешают за Разиным разинцы.

Хотя и строг был приказ атамана, но всё же нашлись ослушники. Возможно, их было больше, однако попались двое: царицынский житель Кузьма Соловей и свой же казак Остапка.

Был Остапка у Кузьмы на постое. Утром они поднялись. Умылись. Съели по краюхе душистого хлеба. Запили его молоком. Собрались идти на работу. Кузьма вытащил два топора. Себе и Остапке. Остаток хлеба завернули в тряпицу, приготовили взять с собой, так как знали: работа у стен до вечера.

Короче, собрались честно. Оба поднялись рано. Время было ещё в запасе. Оно и подвело. Решили Кузьма и Остапка перед работой сразиться в кости. Увлекались в то время такой игрой. Была она очень азартной, хотя и совсем несложной, нечто вроде «орла и решки». Только не монеты были в руках у играющих, а небольшие костяшки. Две стороны их имели различный цвет. На цвет и играли. Бросали поочерёдно. Чьей стороной выпадали кости, тот и выигрывал.

Бросил кости Кузьма.

Бросил кости Остап.

Бросил кости Кузьма.

Бросил кости Остап.

Так и пошло. То удача идёт к одному, то удача идёт к другому. То не везёт Кузьме, то не везёт Остапке.

Играли они на одежду: на шапку, рубаху, штаны, сапоги. То проигрывает всё до штанов Кузьма, сидит, словно в бане, голый. То в нату-

ральной своей красоты сидит на скамье Остапка.

Вошли игроки в азарт. Солнце поднялось давно к зениту. Да где им смотреть на солнце! Кости глазами ловят.

Так и не смогли оторваться они от игры до самого вечера. Сражались бы дольше. Да тут возвращались с работы разинцы. Уличили они ослушников.

Приволокли провинившихся к Разину.

Что им сказать в ответ атаману? Признались во всём сердечно.

Вина у обоих была одинакова. Все ждали, что таким и наказание тоже будет.

Однако Разин сказал:

— Кузьме всыпать двенадцать палок. Остапке — двенадцать дважды!

Кое-кто зароптал на Разина:

— Как же так, отец атаман?! Выходит, жильца ты милуешь, а раз свой, то готов — до смерти.

— Оттого что свой, потому и больше, — ответил Степан Тимофеевич. — Велика ли для нас потеря, если какой-то жилец ослушался. Если же свой — это беда для войска. Отсюда и высший спрос.

Заботился Разин о строгих порядках в армии. Был нетерпим и строг.

ВАРФОЛОМЕЙКА

Привязался в Царицыне к Разину мальчик. Варфоломейкой звали. Весь нос в веснушках, словно тмином обсыпан. Глаза как две голубые бусины.

Ходил он за Разиным и день, и второй. На третий Разин приметил мальчика:

— Ну, как тебя звать?

— Варфоломейка.

— Что же ты ходишь, Варфоломейка, за мной?

— Дай из пистоля стрельнуть!

Посмотрел на мальчишку Разин:

— Сколько ж тебе годов?

— Будет без двух двенадцать.

— Ишь ты какой подсчёт! — рассмеялся Степан Тимофеевич. — Значит, выходит — десять.

— Нет, двенадцать, — твердит мальчишка. — Двенадцать без двух годов.

— Ладно, пусть будет по-твоему, — согласился Степан Тимофеевич. — Ты что же, считать умеешь?

— До двух дюжин, — ответил мальчик.

— А цифры слагать научен?

— Научен.

— Сколько же два и два?

— Четыре, — важно ответил Варфоломейка.

— А три и четыре?

Задумался мальчик. Незаметно для Разина пальцы на левой и правой руках загнул, секунду спустя ответил:

— Три и четыре — выходит семь.

— Мастак ты, мастак, — опять усмехнулся Разин.

Понравился Разину мальчик. Дал он ему из пистолета стрельнуть.

Расхвастал Варфоломейка друзьям и приятелям, что сам Степан Тимофеевич Разин дал ему из пистоля стрельнуть.

Стали мальчишки ходить за Разиным:

— Дай из пистоля стрельнуть!

— Дай из пистоля стрельнуть! Чем же мы хуже Варфоломейки?

Каждый старается Разина чем-нибудь поразить.

— А я ногой за ухом чесать умею! — кричит один.

Сел на землю и правда ногой дотянулся до уха.

— А я ходить на руках умею! — кричит второй.

Встал на руки, идёт рядом с Разиным:

— Дай из пистоля стрельнуть! Дай из пистоля стрельнуть!

Третий бежит перед атаманом и птичьим голосам подражает. То крикнет сойкой, то каркнет галкой, то щёлкнет точь-в-точь на манер щегла.

Остановился Разин, посмотрел на мальчишек:

— Умельцы, умельцы! Только прок от умения вашего, как от тулупа в палящий день. Марш по домам! Отстаньте!

Отстали мальчишки. Сидят, гадают: чем же хуже они Варфоломейки? Пусть бы Варфоломейка до уха ногой достал!

ЕГОР И ЯКОВ

Недолго пробыл в Царицыне Разин. Дальше — на Саратов пошёл походом.

Присоединились к разинцам где-то в пути крестьянские парни Егор и Яков. Оба статные, оба крепкие. Богатырское что-то у них в сложении. Гнёт подковы Егор, как гвозди. Вырывает

с корнем берёзки Яков. Дунет Яков — шапка с любого летит долой. Притопнет Егор — земля, как живая, дрогнет.

Рвутся парни в бой. Отличиться хотят в сражении. Вместе со всеми идут на Саратов.

Пристали приятели к старому разинцу:

— Как города берут?

— Как? Штурмом их, боем, — ответил разинец.

Мечтают парни о героических делах.

— Я ворота бревном пробью, — так заявляет Егор.

Не отстаёт от приятеля Яков:

— Я первым на стены влезу.

Тренируются парни во время похода. Ходит Егор с бревном на плече. Яков в попутных сёлах на колокольни, как кошка, лазит.

Рвутся приятели в бой.

— Скорей бы уж этот Саратов.

— А вот и Саратов.

— Дождались! — сказал Егор.

— Ну, готовься! — поддакнул Яков.

Приготовились парни. Ждут. Вот-вот будет к штурму дана команда.

И вдруг — распахнулись городские ворота сами. Праздничным гулом ударили колокола. Из города навстречу Разину валом пошёл народ. Впереди старик с бородой. Важно ступает, держит хлеб-соль в руках. Следом за старцем толпой горожане. Тут же стрельцы, тут же разный приволжский люд: бурлаки, рыбаки, перевозчики. Женщины. Дети. Старухи. И даже попы, и даже монахи.

Обомлели Егор и Яков. Егор отбросил своё бревно. Почесал в затылке рукою Яков.

Сдался Саратов без штурма, без боя.

Огорчились, конечно, Егор и Яков. Мечтали они о геройстве. А тут...

— Ну, видели, как города берут? — спросил приятелей вечером старый разинец.

— Что же это за взятие? Раз без приступа, — с обидой сказал Егор.

— Раз без боя, — добавил Яков.

— Какое? Разинское — вот вам какое, — ответил бывалый воин.

АТАМАНСКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ

Решили саратовские купцы устроить Разину в город торжественный въезд. Между собой шептались:

— Оценит донской атаман такое к нему внимание. Будет с этого дня к любому из нас его атаманское расположение.

Довольны именитые граждане — хитрецы саратовские. Попробуй придумать удачнее!

Долго подбирали они коня. Гадали, какой же лучше. Аргамак ли, калмыцкий конь, донских ли кровей, арабских? А может, заволжский степной скакун?

— Арабский, — сказал один.

— Заволжский, — сказал второй.

— Купим донского коня, донского! — кричит третий купец. — Разбойник же с Дона. Донской для него приятнее.

Потом обсуждали вопрос о масти. То ли быть вороным коню, то ли гнедым, то ли, как лебедь, белым.

— Вороным, — заявил один.

— Гнедым, — заявил второй.

— Нет, белым, белым! — самый шустрый опять кричит. — На белом сам царь на охоту ездит.

Наконец, решали, чем покрывать коня. Ковром — малиновым, жёлтым, красным?

После долгих споров сошлись на красном. Самый громкий и тут кричал:

— Красным злодея скорее купишь! Стенька любит кровавый цвет.

Купили купцы коня. Положили на спину ему ковёр. Оседлали.

Вышли вместе со всеми купцы за город навстречу Разину. Ведут под уздцы подарок.

Понравился Разину конь. Сел Степан Тимофеевич на скакуна. По холке его потрепал. По шее его погладил. Потянулся рукой к уздечке. Но тут случилась заминка. Заспорили вдруг лабазники, кому коня под уздцы вести.

Каждому хочется, чтобы Разин его приметил. Один другого от коня оттеснить пытается. Каждый к уздечке тянется.

— Моё право! — кричит один. — Я первым коня придумал.

— Моё право! — кричит второй. — Я указал породу.

— Я денег больше других платил! — кричит, возмущаясь, третий.

Четвёртый твердит про лошадиную масть. Пятый же лезет вообще потому, что другим уступить не хочет.

Не может Разин понять заминки.

— Да что там у вас? Что за крикливый народ? Какого рода, какого племени?!

Притихли тут спорщики, а потом вперебой:

— Купцы мы саратовские.

И тут же:

— По хлебной я части!

— По рыбной!

— Мясной!

— По суконному делу — Семён Скотинин.

Попомни, отец атаман.

А тот, голосистый, кричит всех громче:

— Солью, отец, торгую, солью! Это я про коня придумал. Я и денег больше других платил...

— Ах, вот тут какой народ! — рассмеялся Степан Тимофеевич. — А ну, расступись!

Дёрнул Разин коня за уздечку. Каблуками в живот пришпорил. Взвился с места красавец конь. И сразу в карьер, галопом.

Побежали за ним купцы.

— Тише, тише. Ах ты разбойник, тише!

Но тут же они отстали.

Влетел Разин в город. Осадил скакуна.

— Здравствуй, народ саратовский!

— Здравствуй, отец атаман! — многоголосо ответил Саратов.

РАФ ГАЛУШКА

Раф Галушка был саратовским бондарем. И фамилия у него забавная. И имя не очень частое. А главное, был у Галушки удивительный чих. Чихнёт — глухой за версту услышит.

Бежал Галушка к восставшим ещё тогда, когда Разин только начал поход на Астрахань. Догнал он восставших у Чёрного Яра. В черноморском бою отличился. Затем вместе со всеми ла-

зил на астраханские стены. Отличился и здесь. Был примечен за смелость Разиным. Оценили Галушку разинцы. Избрали его десятником, то есть старшим над десятью. Дал слово Галушка биться насмерть с боярами, нигде не отстать в походе, не бросить новых своих товарищей.

Из Астрахани Галушка вместе со всеми пришёл в Царицын и вот теперь явился в родной Саратов.

Беря города, Разин устанавливал в них порядки по казацкому образцу. Горожане делились на сотни. Каждая сотня избирала себе атамана. Таких атаманов — старших над сотнями — называли сотниками.

В Саратове тоже стали избирать своих атаманов. Собрались на выборы и жители той части города, в которой родился Галушка. Да и сам Галушка пришел на выборы. Любопытно ему посмотреть.

Когда дело подошло к тому, кого называть в атаманы, как-то поначалу смутились люди. Никогда еще не избирали они себе начальников. Смотрят жители один на другого, кого бы в начальники крикнуть.

И вот тут-то Галушка чихнул. Чихнул и тем обратил на себя внимание.

И сразу все закричали:

— Галушку, Галушку давай в атаманы!

Нужно сказать, что любили Галушку саратовцы. Был он смелым не только в бою. По натуре был он прямым и честным.

Понял Галушка, если выберут его атаманом — значит, конец похода. Надо будет остаться в городе, бросить своих товарищей.

— Братцы, увольте! — кричит Галушка. --

Братцы, давай другого! Я и так уже избран десятником.

Однако не слушают люди разинца.

— Галушку давай, Галушку! Он отличился при Чёрном Яре. Он на астраханские стены лазил. Сам Степан Тимофеевич его приметил. Давай Галушку! Пусть старшим над нами будет.

Проголосовали саратовцы. Избрали Галушку саратовским сотником.

Бросился бедняга сразу же к Разину. Обо всём рассказал. Рассказал и просит:

— Уволь, отец атаман! Христом богом прошу — уволь. Как же я брошу своих товарищей?

— Не могу, — отвечает Разин. — Не я же тебя избирал. Люди тебя назвали. Как же я против воли людской пойду?

— Так я же, отец атаман, за правду, за волю желаю биться. Я ж у тебя в десятниках.

Посмотрел на Галушку Разин:

— За правду и волю не только пищалью бьются. Нужны атаманы на поле боя. Нужны атаманы и в жизни мирной. Избран народом — служи народу. Да вот что: ступай спасибо скажи саратовцам.

КТО ПОМОГАЕТ

Недолго пробыл в Саратове Разин. Установил здесь порядки вольные. Дальше — на Самару пошёл походом.

В Самаре на берегу Волги заспорили как-то стрелец и ярыжка: откуда у Разина сила, кто помогает Разину?

— Дьявол ему помогает, дьявол, — твердил

стрелец. — Нечистое дело, раз без боя вся Волга ему даётся.

— Эх ты, голова, — бог помогает Разину.

— Тьфу, непутёвый! Какой же бог?

— Нет, бог, — стоял на своём ярыжка. — Видит всевышний, что правое дело за Разиным. Вот поэтому и помогает.

До спора русский народ охочий. Не уступает стрелец ярыжке, не уступает стрельцу ярыжка. Чуть не побил ярыжка стрельца веслом. Чуть не хватанул ярыжку стрелец бердышом.

Собрались вокруг крикунов новые люди. И эти затеяли спор. Одни, как ярыжка, за то, что господь помогает Разину. Другие стрелецкого держатся мнения.

— Нет, всё же дьявол ему помогает.

А в это время Степан Тимофеевич как раз подходил к Самаре. Решили стрелец и ярыжка выйти навстречу Разину, пристать к головному отряду и всё, как есть, своими глазами увидеть. Сели в лодку, двинулись в путь.

— Дьявол! — кричит стрелец.

— Господь! — ещё сильнее кричит ярыжка.

— Дьявол! — рвёт глотку свою стрелец.

— Господь! — не жалеет глотку свою ярыжка.

Плывут и снова о том же спорят.

Не уступает стрелец ярыжке, не уступает стрельцу ярыжка. Чуть не выбросил ярыжка стрельца за борт, чуть не прикончил в лодке стрелец ярыжку.

Заночевали они в пути. Улеглись под развешенным дубом. Спать бы пора. Однако до спора русский народ охочий. Крики стоят под дубом:

— Дьявол!

— Господь!

- Дьявол!
- Господь!

Чуть не придушил ярыжка стрельца под дубом. Чуть не вздёнул на дубе стрелец ярыжку.

Заснули они только к рассвету. А в это время Разин прошёл теми местами. Пришлось возвращаться спорщикам снова к Самаре. Приплыли к Самаре. Город в руках у Разина. Сдалась Самара восставшим без боя. Распахнулись и здесь ворота.

— Вот видишь — дьявол ему помог.

— Не дьявол, а господь бог!

И снова сцепились стрелец и ярыжка. Схватили друг друга за бороды. Каждый другого на части рвёт.

Качнулась под ними лодка. Не устояла, перевернулась. Бухнулись оба в воду. Нет бы скорее к берегу. Но не выпускает стрелец ярыжку. Мёртвой хваткой вцепился в стрельца ярыжка.

Крикнул ярыжка:

— Господь!

— Дьявол! — стрелец ответил.

И оба пошли на дно.

Сомкнулась вода над ними. Лишь — буль-буль — захлопали пузыри.

Так и остался неясным спор.

Откуда у Разина сила? Кто помогает Разину? Любопытно, кто же из вас ответит.

ПРОМОРГАЛИ

В шатёр Разина ворвался сторожевой казак:

— Отец атаман! Батька! Степан Тимофеевич!

Раннее, раннее утро. Спит, отдыхает Разин. Метрах в ста от шатра вода. Волга плещет волной о берег. Солнце ещё не взошло. Вот-вот с востока лучами брызнет.

— Батька! Степан Тимофеевич!

Разин открыл глаза.

— Отец атаман, беда! Боярское войско подходит к Самаре.

Вскочил, как пружиной подброшенный, Разин. Саблю схватил на ходу. Пистолеты за пояс сунул. Рванул атаман полог шатра. Чуть шатёр от рывка не рухнул.

Выбежал Разин наружу, а кругом уже собирались и строились в сотни отряды.

— К бою! К бою! — неслись команды старшин и сотников.

Вскочил Разин верхом на коня, глянул в заволжские дали. Видит: над полем, над степью пыль. По тому, как стелилась пыль, понял Разин, конное движется войско.

Откуда оно взялось?!

— Эх, проморгали разведчики!

Окружили Разина атаманы:

— Батька, какие давать команды?

— На конное войско ответим конным.

Застучали копыта казацких коней. Построились сотни к бою.

Разрастается над заволжским простором пыль, всё ближе и ближе подходит к городу. Внимательно смотрит Разин. Вот уже через пыль видны и отдельные всадники.

«Смело идут, — подумал Степан Тимофеевич. — Ну что же, давай, давай, спешу под казацкие взмахи!»

Разин представил, как врубится в строй дво-

рян, как вскинет привычно саблей. Близкую битву почуял и конь. В нетерпении землю рванул копытом.

— Ну что же, пора начинать, — прикинул Разин.

Снова глянул на вражеских всадников. Хотел подавать команду. Глянул, да так и застыл. Не видит Степан Тимофеевич всадников. Коней видит, а воинов нет. Несутся к Самаре кони без всадников. С трудом насчитал атаман пятерых наездников. Правда, возможно, других укрывала пыль. Может, в такой атаке хитрость была дворянская?! Только не дворянские что-то на людях одежды. Не в кафтанах они, не в доспехах рейтарских. В высоких башкирских шапках.

Присмотрелся Разин ещё внимательней. И вдруг признал одного из всадников:

— Да это, никак, Гумерка!

Машет Гумерка рукой, что-то кричит, улыбается.

Вот тут-то всё вспомнил и понял Степан Тимофеевич.

Плохо было с конями у разинцев. Войско росло. Коней не хватало. Разин даже посылал казаков в прикаспийские степи. Денег дал для покупки коней. Однако вернулись ни с чем посланцы.

Башкирец Гумерка появился в разинской армии возле Саратова. Пробыл недолго. Вскоре исчез. А уходя, сказал одному из приближённых к Разину казаков:

— Передай отцу атаману: будет ему гостинец.

Долго тогда гадали, какой же гостинец будет.

И вот Гумерка слово своё сдержал. Шестьсот коней пригнал из родной Башкирии.

Расцеловал Разин Гумерку, пригласил в атаманский шатёр, угостил и вином и брагой.

— Хороши кони, хороши, — говорили разинцы, разглядывая степных скакунов. — Вот так тебе гостинец! Ай да башкирцы — степной народ! Свой, не чужой, выходит.

БАШИРКА

Вместе с Гумеркой, пригнавшим разинцам шестьсот лошадей, прискакал к Самаре и сын Гумерки — Баширка. Ростом он был отцу едва по колено. Четыре года всего Баширке.

Однако сидел на коне мальчонка, словно в седле родился.

На Дону мальчишки тоже не лыком шиты. Тоже в седле с пелёнок. Пожалуй, легче выпить Каспийское море, чем поразить казака ездой. И всё же Баширка сразил станичников.

Залезал на коня он без всякой помощи. Хватался рукой за стремя, потом за гриву. Момент — и на лошадиной холке уже мальчишка. Скакал на коне и сидя и стоя. В седле. Без седла. Лицом вперёд. Лицом назад. Держался на лошадиной спине, на шее, на конском крупе.

Не менее ловко Баширка бросал аркан.

— Тебе бы зайцев ловить арканом, — шутили над ним казаки.

Но главное — Баширка отличился у разинцев тем, что выиграл у пушкаря Ивана Заброды пушку.

Не поверил Заброда в умельство Баширки.

— Чтобы такой кутёнок стоя скакал на коне? Не может такого быть. Не может, — твердил Заброда. — Согласен с каждым на спор. Продержится он на коне дольше, чем любой из вас стянет с меня сапоги, отдам сапоги, да что сапоги! — пусть забирает пушку.

Заброда вообще любил по любому поводу с каждым идти на спор.

Залез на коня Баширка. Рванулся вперёд скакун. Поднялся мальчишка в рост. Ручонки раскинул крыльями, прокричал по-башкирски что-то, понёсся по полю ветром.

Стянули с Заброды давно сапоги. Стоит босяком пушкарь. А Баширка всё скачет и скачет. Даже для озорства чуть ли на лошадиной спине не пляшет.

— Может, заодно рубаху с тебя стянуть? Может, содрать штаны? — хохочут казаки над Забродой.

Пронёсся скакун по полю, вернулся к исходному месту. Слез на землю с коня Баширка.

Зачесал Заброда рукой в затылке. Стоит в удивлении раскрывши рот.

— Кати пушку! — кричат казаки. — Пушку кати. Не жалея-ка её, голубушку. Ай да Баширка!

Разин услышал казацкие крики. Подошёл атаман на шум.

— Что тут такое? — спросил сурово.

— Проиграл Заброда мальчишке пушку!

Объяснили разинцы Разину, с чего началось и чем всё закончилось.

Опустил пушкарь голову. Боится взглянуть на Разина. Ой и всыплет сейчас атаман!

— Что же стоишь? Кати, — произнёс Степан

Тимофеевич. — Был смел в словах, будь смел в ответе.

Впряг в пушку Заброда коней. Прикатил её к месту спора.

— Ну что же, бери, Баширка, — сказал Разин.

Только пушку Баширка не взял. Возможно, и взял бы её мальчишка. Уж больно глаза блестящие. Однако Гумерка что-то ему шепнул. Вернул мальчик Заброде и пушку и сапоги.

— Спас бесёнок тебя, уберёг, — говорили Заброде разинцы. — Срубил бы за пушку отец атаман твою неразумную голову.

Заброда и сам понимал, что вряд ли б живым остался. Не было в разинской армии ничего, что бы ценилось превыше пушек. Мало их очень было.

Три дня пробыл у разинцев мальчик. Затем отец отправил его домой. Двое табунных погонщиков возвращались назад в Башкирию. Простились с мальчиком разинцы. Простился с Баширкой и Разин. На память серьгу дорогую дал.

— Прощай, Баширка, дороги тебе удачной.

Долго хранилась у разинцев память о мальчике. Пушку Ивана Заброды теперь называли «Баширкина пушка».

РАЙСКАЯ ЯГОДА

Недолго пробыл в Самаре Разин. Дальше — на Север, к Симбирску пошёл походом.

Идёт вверх по Волге Разин. А в это время следом за ним поднимается струг с виноградом. Это астраханцы решили послать атаману гостинец.

— Пусть отведаёт отец атаман. Пусть и казаки ягодой этой побалуются.

Виноград отборный — райская ягода. Грозди одна к одной.

Добрался струг до Царицына. В Царицыне Разина нет. Ушли отряды уже к Саратову.

Филат Василёнок — старший на струге — подал команду трогаться дальше в путь.

Добрался струг до Саратова. В Саратове Разина нет. Ушли отряды уже к Самаре.

Призадумался Филат Василёнок. Лето жаркое. Дорога дальняя. Портиться стал виноград. Половина всего осталась.

— Ну и прытко идёт атаман!

Подумал Филат, всё же решил догнать Разина.

— Налегай, налегай! — покрикивает на гребцов.

Налегают гребцы на вёсла.

Прибыли астраханцы в Самару. В Самаре Разина нет.

— О господи! — взмолился Филат Василёнок. — За какие такие грехи наказал ты меня, несчастного?

От винограда и десятой доли теперь не осталось. Гребцы за дорогу к тому же устали. В струге возникла течь.

Думал, думал Филат Василёнок, крутил свою бороду. В затылке и правой и левой рукой чесал. Прикидывал так и этак. Ясно Филату, не доведёт он Разину гостинец в сохранности.

Решил Василёнок дальше не плыть. «Эх, была не была — раздам виноград я самарцам! Детям, — подумал Филат. — Вот кому будет радость».

Так и поступил.

Для самарцев виноград — ягода невиданная. Собрались к берегу Волги и мал и стар.

Раздавал Василёнок виноград ребятишкам, приговаривал:

— Отец атаман Разин Степан Тимофеевич жалует.

То-то был праздник в тот в день в Самаре! Виноград сочный, вкусный. Каждая ягода величиною с грецкий орех. Набивают ребята рты. Сок по губам, по щекам течёт. Даже уши в соку виноградном.

Вернулся Василёнок в Астрахань. Рассказал всё, как было. Не довёз, мол, виноград Разину. Раздал его в Самаре ребятам.

— Как! Почему? — возмутились астраханцы.

Обидно им, что их гостинец не попал к Степану Тимофеевичу. Наказали они Филата. А к Разину послали гонца с письмом.

Написали астраханцы про струг с виноградом, про Филата, про самарских ребят. В конце же письма сообщили: «Бит Филат Василёнок нещадно кнутами. А будет воля твоя, отец атаман, так мы посадим его и в воду¹. Отпиши».

Ответ от Разина прибыл.

Благодарил Степан Тимофеевич астраханцев за память, за струг. Написал и о Филате Василёнке. Это место астраханцы читали раз десять. Вот что писал Разин:

«А Филатке Василёнку моя атаманская милость». Далее шло о том, что жалует Разин Филата пятью соболями, то есть пятью соболиными шкурками, казацкой саблей и шапкой с малино-

---

¹ Посадить в воду — вид казни: человека сажали в мешок и бросали в реку.

вым верхом. «Дети, — значилось в разинском письме, — мне паче себя дороже. Ради оных и бьёмся мы с барами. Ради оных мне жизни своей не жалко».

ДЕЛО БЫЛО В КРУТЫХ ЖИГУЛЯХ

Дело было в крутых Жигулях. Избили товарища разинцы.

Началось всё с того, что собрались они на высокой круче. Смотрели оттуда на даль и ширь. Простором речным любовались. Потом незаметно завязался у них разговор. Слово за словом. Шутка за шуткой. Где на серьёзе, где просто с ухмылкой. Кончилось тем, что заспорили разинцы вдруг, что бы сделал каждый из них, если бы стал царём. Вот до чего додумались.

— Я бы досыта ел, — заявил один.

— Я бы досыта спал, — заявил второй.

— Я бы вёдрами брагу пил, — прозвучал и такой ответ.

Кто-то сказал:

— Я бы в кафтане ходил малиновом.

Пятый тоже мыслишку под хохот вставил:

— Ой, братцы! Если бы только я стал царём, я бы на персидской княжне женился.

Потом ответы пошли посерьёзнее.

— Я бы всё поменял местами. Простых людейшек боярами сделал, бояр превратил в холопов.

— А я бы, как батька наш Степан Тимофеич, волю любому и землю дал.

— Я бы дворянство извёл под корень.

Увлечлись, размечтались не в шутку разинцы. Начинают уже говорить и о том, что не под силу царю любому, будь ты хоть первым из первых царь. В голову лезут любые фантазии.

— Я бы скатерть завёл самобранку. Бросил её на землю: «Эй, набегай, людишки!» — любого рода, любого племени — турок, башкир, казак. В обиде никто не будет.

— Я бы дивный построил город. Чтобы стены его — до неба, крыши — из хрусталя. Живите на славу, люди!

— А я бы такое сделал, чтобы люди не знали смерти.

— Я бы придумал живую воду, чтобы поднимать из могил погибших в боях казаков.

— Дал бы я людям крылья, чтобы люди выше орлов летали.

Шумно ведётся спор. О красивой жизни народ мечтает. Каждый всеильным себя считает.

И только парень один молча стоял, прислонившись к сосне, смотрел на других удивлённо и глупо глазами хлопал.

— Ну, а ты бы, — полезли к нему казаки, — что ты сделал, если бы стал царём?

— Я-то? — переспросил парень.

— Ты-то.

— Я бы купил корову.

Сбил он ответом разинцев. Хоть и понятны его слова. В жизни парень, видать, намучился. Да не к месту его ответ. Зачем же в такую минуту он с дурацкой коровой сунулся. Сбил у людей фантазии.

Обозлились на парня разинцы.

Дело было в крутых Жигулях. Побили товарища разинцы.

• КАЧЕЛИ

Быстро шёл вверх по Волге Разин. Истомились войска в походе. И вот в каком-то приволжском большом селе стали они на отдых.

В первый же день казаки соорудили качели. Врыли в землю столбы — в каждом по пять сажень. Выше деревьев взлетали качели.

Сбежались к берегу Волги и парни, и девки, и всё село.

Визга здесь было столько, смеха здесь было столько, что даже Волга сама дивилась, привставала волной на цыпочки, смотрела на шумный берег.

В полном разгаре отдых. Три дня как кругом веселье.

— Эх, простоять бы нам тут неделю! — поговаривают казаки.

К Волге, к качелям, вышел и Разин.

— А ну-ка, батька!

— Степан Тимофеевич!

— Место давай атаману! Место! — кричат казаки.

Потащили его к качелям:

— Прелесть кругом увидишь!

Усмехнулся Степан Тимофеевич:

— А вдруг как не то с высоты увижу?

— То самое, то, — не унимаются разинцы. — И Волгу, и плёс, и приволжские кручи. Над лесом взлетишь, атаман. Как сокол расправишь крылья.

Залез на качели Разин. Вместе с девушкой местной — Дуняшей. Замерло сердце у юной Дуняши. Вцепилась она в верёвки.

Набрали качели силу: то вверх, то вниз, то

вверх, то вниз. Разгорячился Степан Тимофеевич. Разметались под ветром кудри. Полы кафтана, как крылья, дыбятся. Глаза чёрным огнём горят.

Всё выше и выше взлетают качели. Режут небесную синь.

— Вот это да! По-атамански, по-атамански! — кричат казаки.

Побелела совсем Дуняша.

— Ух, боязно! Ух, боязно!

— Девка, держись за небо! — какой-то остряк смеётся.

Состязаются весельчаки:

— Отец атаман, бабку мою не видишь?

— Может, ангелов в небе видишь?

— Как там Илья-пророк?

— И ангелов вижу, и бабку вижу. А вона едет в карете Илья-пророк, — отвечает на шутки Разин. А сам всё время на север смотрит — туда, куда дальше идти походом. Даже ладошку к глазам подводит.

Заприметили это разинцы.

— Что там, отец атаман?

Молчит, не отвечает Степан Тимофеевич.

— Что видишь, отец атаман?

Молчит, не отвечает Степан Тимофеевич.

Недоумевают внизу казаки. Может, пожар атаман увидел? Может, боярские струги идут по Волге? Или вовсе какая невидаль? Прекратилось вокруг веселье. Обступили качели разинцы.

— Что видишь, отец атаман?

Выждал Разин, когда всё утихло:

— Горе людское вижу. Слезы сиротские вижу. Стоны народные слышу. Ждут нас людишки. На нас надеются.

Кольнули слова атамана казацкие души.

Замедлили мах качели. Спрыгнул на землю Разин. Подошёл к нему сотник Веригин:

— Правда твоя, атаман. Не ко времени отдых выбран.

— Верно, верно, — загудели кругом казаки. — Дальше пошли походом.

Поднялось крестьянское войско. Сотня за сотней. Отряд за отрядом. Вздрыбилась дорожная пыль.

Остались в селе качели. Долго ещё на них мальчишки взлетали в небо. И, замирая на высоте, вслед ушедшим войскам смотрели.

Глава третья

СНЯТСЯ БОЯРАМ СТРАШНЫЕ СНЫ

ЕПИФАН КУЗЬМА-ЖЕЛУДОК

Снятся боярам страшные сны. Снятся им грозный всадник — Разин верхом на коне.

В тревоге живут бояре. И в Твери, и в Рязани, и в Орле, и в Москве, и в других городах и сёлах.

Послышится цокот копыт по дороге — затрясутся осинкой боярские ноги.

Ветер ударит в окна — боярское сердце замрёт и ёкнет.

Боярин Епифан Кузьма-Желудок боялся Разина не меньше других. А тут ещё барский холоп Дунайка рассказывал ему что ни день, то всё новые и новые страсти. И, как назло, всегда к ночи.

Много про Разина разных слухов тогда ходило. И с боярами лют, и с царскими слугами крут. И даже попов не жалеет. А сам он рождён сатаной и какой-то морской царицей. В общем, нечистое это дело.

— Пули его не берут, — говорил Дунайка.

— Пушки, завидя его, умолкают.

— Перед ним городские ворота сами с петь слетают.

— Ох-ох, пронеси господи! — крестился боярин Кузьма-Желудок.

— А ещё он летает птицей, ныряет рыбой, — шепчет Дунайка. — Конь у него заколдованный — через реки и горы носит. Саблю имеет волшебную. Махом одним сто голов сбивает.

— Ох, ох, сохрани господи!

— А ещё, — не умолкает Дунайка, — свистом своим, мой боярин, он на Волге суда привораживает. Свистнет, и станут на месте струги. Люди от погляда его каменеют.

— Ох, ох, не доведи свидеться!

Живёт боярин, как заяц, в страхе. Потерял за месяц в весе два пуда. Постарел сразу на десять лет. На голове последних волос лишился.

Молился боярин Кузьма-Желудок, чтобы беда прошла стороной. Не услышал господь молитвы,

И вот однажды ночью случилось страшное. Открыл бедняга глаза — Разин стоит у постели.

Захотел закричать боярин. Но понимает — не может.

И Разин молчит, лишь взглядом суровым смотрит. Глаза чёрным огнём горят.

Чувствует боярин, что под этим взглядом он каменеет. Вспомнил слова Дунайки. Двинул рукой — не движется. Двинул ногой — не движется.

— О-о!.. — простонал несчастный. Но крик из души не вышел.

Утром слуги нашли хозяина мёртвым.

— С чего бы?

— Да как-то случилось!

Не понимают в боярском доме, что с баринем их стряслось.

— Что-то рано господь прибрал.

— Жить бы ему и жить.

— Может, выпил боярин лишку?

— Может, что-то дурное съел?

— Сон ему, может, недобрый привиделся? Уж больно всю ночь стонал.

...Снятся боярам страшные сны. Снятся им грозный всадник.

ВЕРХНИЙ ЛОМОВ, НИЖНИЙ ЛОМОВ

Стояли они по соседству. Два небольших городка — Верхний Ломов, Нижний Ломов.

Когда разинцы брали города, они поступали так. Собирали на площадь народ. Приводили сюда воеводу. Люди и решали его судьбу.

Разинский сотник спрашивал:

— Карать или миловать?

Если люди кричали: «Карать!» — воеводу тут же при всех казнили.

Если кричали: «Миловать!» — отпускали его, не тронув.

Так было в Саратове, в Самаре, в Чёрном Яру, в Царицыне. Так поступали восставшие и в других городах.

Оба Ломова взял разинский атаман Михаил Харитонов.

Ворвались разинцы в Нижний Ломов. Собрали народ. Привели воеводу.

Вышел вперёд Михаил Харитонов:

— Карать или миловать?

Кто-то крикнул:

— Карать!

Но тут же десятки других голосов:

— Миловать!

— Миловать!

— Миловать!

Отпустил атаман воеводу. Видать, не все воеводы звери. У иных и что-то людское есть. Если люди кричат помиловать — тут уж верховный суд.

Ворвались разинцы в Верхний Ломов. Да что-то замешкались — дело было к исходу дня, не сразу людей собрали. Сидел воевода пока под запором, ждал своей участи.

Вспомнил Харитонов утром про арестанта, дал команду собрать народ. Собрались горожане на площади.

Пришёл Харитонов. Ждёт, когда казаки приведут воеводу. И вдруг прибегают, докладывают разинцы:

— Атаман, нет воеводы. Сидел под запором, а ноне пусто.

— Как — пусто? Бежал?!

— Нет, не бежал, атаман.

— Может, от страха помер?

— Нет, страх его, чёрта, не взял. Однако в живых его тоже нет.

— Как нет?!

— Людишки без нас сами подняли его на ви-
лы. Проголосовали уже людишки.

ПРИЮТ И ПОКОЙ

Охватило крестьянское возмущение всю Волгу, от понизовых до самых северных её городов. Разин идёт по центру, а слева и справа и забе-
гая вперёд, словно реки в разлив по весне, рас-
теклись и поднялись сотни других отрядов. Вос-
стали крестьяне и на Ветлуге, и на Хопре. Бьют
тревогу бояре в Тамбове и Пензе. У Тулы и да-
же под самой Москвой загоны восставших бро-
дят. Владимир и Суздаль не знают покоя. Украи-
на вот-вот за бояр возьмётся.

Бегут бояре из насиженных дедовых мест.
Страшатся народного гнева.

Бежал из своей вотчины и боярин Феофан
Круторогов. Бежал из-под Пензы как раз к Там-
бову. Был под Тамбовом у Круторогова друг.
Тоже боярин. Семён Рогокрутов. Решил у него
укрыться.

Бежал Круторогов к Тамбову, а в это же вре-
мя из-под Тамбова навстречу к нему бежал спа-
саться Семён Рогокрутов. Думал под Пензой
найти спасение.

Повстречались друзья в пути.

- Свет мой Семён Васильевич!
- Душа моя Феофан!
- Куда ты?
- К тебе. Куда ты?
- К тебе.
- Ох ты!
- Ух ты!

Плохи дела под Пензой, плохи дела под Тамбовом.

Постояли друзья, подумали. Решили бежать к Воронежу. Жил под Воронежем у Круторогова и Рогокрутова друг. Тоже боярин, Сисой Водохлюпов. Надеялись бояре — уж там-то спасение.

Пробираются друзья под город Воронеж. А в это время из-под Воронежа к Тамбову и Пензе идёт Водохлюпов.

Повстречались они в пути.

- Свет наш Сисой Гаврилович!
- Душа Феофан, душа ты моя, Семён!
- Куда ты?
- К вам пробираюсь.
- Вот те и раз! А мы-то как раз к тебе.
- Ух ты!
- Ох ты!

Узнали друзья, что плохи дела и под Воронежем. Постояли, подумали. Решили бежать к городу Шацку. Под городом Шацком жил у приятелей друг. Тоже боярин. Захар Хлюповодов.

Меряют вёрсты приятели к городу Шацку. А в это время из города Шацка идёт им навстречу Захар Хлюповодов.

Повстречались друзья у древних больших раки.

- Свет наш Захар Захарыч!
- Душа Феофан! Душа Семён! Душа ты моя, Сисой! Вот так встреча!
- Куда ты?
- К вам ведь, любезные!
- Ну и ну. А мы-то как раз к тебе.
- Ох ты!
- Ух ты!

Плохи дела и под городом Шацком. Опустились бояре на землю. Сели в тени раkit. Что же боярам делать? Куда же друзьям бежать?

- К северу? К югу?
- Пошли на восток.
- Нет, бояре, давай на запад. К литовской пойдём границе.

Сидят бояре в тени раkit. Спорят, куда им от гнева людского скрыться. Спорят бояре. Не видят бояре, как вышли из леса крестьяне. Тут и спору пришёл конец.

Заболтались на раkитах бояре. Нашли свой приют и покой.

ВЕЛИКИЙ ГАГИН

Бегут бояре из насиженных дедовых мест. А вот боярин Великий Гагин никуда не бежал. Остался.

— Да я им, холопам! — кричал боярин. — Пусть только посмеют. Я с ними в один момент.

Если правду сказать, Василий Гагин был человеком смелым. И, уж конечно, крутым на расправу. Гагинские мужики на своей шкуре это не раз испытали.

В ожидании разинцев Гагин без дела сидеть

не стал. В молодости служил он в стрелецких войсках. Вот и вспомнил боярин молодость.

— Первым делом, — заявил Гагин, — нужно насыпать высокий вал.

Взялись мужики за работу, насыпали вокруг барского дома вал.

— Хорошо, — осмотрев, сказал Гагин. — А теперь нужно вырыть глубокий ров.

Крестьяне опять за лопаты. Вот и ров перед валом уже готов.

— А на валу, — продолжает Гагин, — нужно построить стены.

Вооружились мужики топорами. Опять старались. Появились на валу стены.

— Хорошо, — одобрил Великий Гагин. — Ну, а теперь нужна нам дозорная вышка.

Появилась и вышка.

Сам Гагин лазил на эту вышку. Посмотрел на все на четыре стороны и опять заявил:

— Хорошо.

Когда крепость была построена, завёз Гагин в неё пищали и мушкеты. Неделю крестьян обучал стрельбе. Оказались они способными. Пожалуй, лучше стрельцов стреляли.

А так как крепость без пушки не крепость, то раздобыл Великий Гагин и пушку. И снова учил мужиков стрелять. Стали они заправскими пушкарями и опять заслужили доброе слово Гагина.

Выдал боярин каждому по кружке хмельного. Выпили мужики за крепость, за Гагина.

По приказанию хозяина пушку поставили дулом к востоку, к Волге, туда, откуда и ожидали Разина.

— Ну, приходи, — потирал руки Великий Гагин.

И Разин пришёл. Только ещё до этого, не дожидаясь появления Разина, как только крепость была готова, крестьяне сами схватили Гагина. Но не убили. За науку, за крепость, за пушку простили боярину прошлые свои обиды. А когда разинцы появились, вывели крестьяне своего барина к пушке и заставили стрельнуть. Но не в людей, а в небо. Как привет-салют Разину.

Великий Гагин ругнулся, сплюнул, но стрельнул.

Узнав от крестьян, откуда у них пищали, мушкеты и пушки, Разин тоже пощадил Гагина.

— Значит, и бояре нам помогают, — говорил с улыбкой Степан Тимофеевич. — Ну что же, спасибо, помощничек, — подмигнул он Великому Гагину.

МОНАШЕНКИ

Княгиня Лыкова, как и Великий Гагин, тоже осталась в своём имении. Только вал насыпать княгиня не стала. Ров вокруг дома не рыла. Мушкетов не покупала. Пушку тем более.

Просто пустила она на постой монашенок. — Святую обитель злодей не тронет!

Поселились монашенки в имении Лыкиной. Стали земные поклоны бить, читать без конца молитвы.

Прошла неделя, прошла вторая, присмотрелись монашенки, освоились.

Жить в монастыре за высокими стенами — это тоска тоской. Другое дело вот здесь, в имении. Речка бежит за откосом. Колышется рядом лес. В лесу и грибы и ягоды. Птицы поют на рассвете.

Живут монашенки в доме у Лыкиной, отбивают земные поклоны, а сами о речке, о лесе думают.

Как-то одна из них украдкой искупалась в реке. А потом по секрету другим рассказала.

Вторая украдкой ходила в лес. И тоже о том проболталась. Принялись и другие на речку бегать. Начали в лес ходить.

Проклинают монашенки свою неволю. Заразились мечтой о воле. То соберутся они на лугу — песни поют мирские. Ночь наступит. Спать монашенкам давно пора. Не спится монашенкам что-то. Смотрят на звёзды, сидят, вздыхают. То рассказы начнут о доме.

Стыдит их княгиня Лыкова:

— Ах вы такие, ах вы сякие! Так-то вы господу богу служите? Так-то земные поклоны бьёте?

Не помогает.

Кричит на них Лыкова:

— Ах вы бесстыдницы! Ах вы безбожницы! Так-то вы святость свою бережёте? Так-то службу несёте царю небесному? Вот вам кары пошлёт господь!

Не помогает.

Летят на монашенок, как град, угрозы:

— Не бывать вам в хоромах райских. Не слышать вам пения ангелов. Гореть вам, грешницы, в пламени адовом. Вечные веки в кипящих котлах страдать.

Не помогает.

— Смиритесь, смиритесь! — кричит княгиня. До того довела она бедных монашенок, что жизнь им теперь не в жизнь. Обозлились монашенки, сожгли имение и разошлись по домам.

Долго потом говорили люди:

— Разин спалил имение, Разин. Он и в наших местах побывал.

А Разин поблизости вовсе и не был. Прошёл он где-то дальней совсем стороною.

Почему же так говорили люди?

СМЕКАЛИСТЫЙ

В великом страхе живут бояре. Прячут своё добро. Кто в колодце его утопит, кто в погребах укроет, кто специальные ямы роет.

Боярин Квашня Квашнин спрятал свои богатства в навозной куче.

Доволен Квашня Квашнин:

— Вот я какой смекалистый! Кто же к куче навозной сунется?

Легко на душе у боярина. Охраняет навозная куча барское золото и серебро.

Однако прошла неделя, и забеспокоился вдруг Квашнин. Чудится всё боярину, что кто-то его приметил, кто-то за ним следил.

Перепрятал боярин богатства в другое место. Зарыл на опушке леса у старого дуба под самым осиным гнездом.

Доволен Квашня Квашнин:

— Вот я какой смекалистый! Кто же к осам посмеет сунуться?

Легко на душе у боярина. Гудят возле дуба осы. Охраняют барское золото и серебро.

Однако прошла неделя, и забеспокоился вдруг Квашнин. Чудится всё боярину, что кто-то его приметил, кто-то за ним следил.

Снова вырыл богатства Квашня Квашнин.

Вновь перепрятал. Закопал у гнилых коряг, там, где водились змеи.

Доволен Квашня Квашнин:

— Вот я какой смекалистый! Кто же к гадючьему месту сунется?

Легко на душе у боярина. Шипят, копошатся змеи. Охраняют барское золото и серебро.

Снова прошла неделя, и опять у бедняги покоя нет. Чудится всё боярину, что кто-то его приметил, кто-то за ним следил.

Вновь решил перепрятать добро Квашнин. Теперь уже наверняка. Теперь уже в самое верное место. Поволок серебро и золото в дремучий-дремучий лес.

— В медвежьей берлоге добро укрою. Вот я какой смекалистый! Кто же к берлоге сунется?

Только неласково встретил медведь боярина. Хватанул его лапой косматый. Тут и пришёл Квашне Квашнину конец.

Лежит в дремучем лесу смекалистый. Прощай барское золото и серебро!

ЧУДЕСА

Боярин Кирилл Морозов был страшнее самого лютного зверя. Даже рычал по-звериному:

— Быдло! Холопья! Р-р-р-ры!

Бил он дворовых всем, что попадало ему под руки: палка — так палкой, оглобля — оглоблей, прут из железа — ударит железом.

А тут... Впрочем, судите сами.

Изменился совсем боярин. Пальцем людей не тронет. Косо не взглянет. Басом не крикнет. Не рыкнет, не плюнет и даже не дунет в их сто-

рону. Кого ни увидит, кого ни встретит — первым же шапку скинет.

Вот чудеса какие!

Звал он раньше дворовых: Тришка, Епишка, Ермошка, Антошка, Серёжка, а чаще всего — дурак.

Теперь же Тришка у боярина — Трифон, к тому же по-батюшке — Трифон Евсеич, Епишка — Епифан Алексеич, Ермошка — Ермолай Спиридоныч, Антошка — Антон Капитоныч, Серёжка — Сергей Сергеич. И, уж конечно, совсем позабыл боярин про слово своё «дурак».

Вот чудеса какие!

Раньше боярин был сущий боярин. В лениности жил он и в праздности. Охоту любил Морозов. Вёдрами брагу пил. Слуги его одевали. Слуги его раздевали. Чуть ли не с ложки его кормили. Пешком не ходил боярин. Важно в карете ездил.

Теперь же — ну просто диву даётся народ. Одевается барин сам. Раздевается барин сам. Забыл про охоту. Забыл про брагу. Карету спалил, не ездит.

Другие заботы у барина. То колет дрова Морозов. То машет косой на лугу. То землю, согнувшись, пашет. Полюбил он крестьянский труд. Жить без труда не может.

Вот чудеса какие!

— Научил его Разин, — смеялись люди.

И правда, чем ближе подходило разинское войско к этим местам, тем становился боярин всё более нежным, всё более добрым, становился во всём примерным.

И только одно лишь смущало крестьян.

Уж больно старательно землю боярин пашет.

Раз пропахал он поле, начинает снова его пахать. Два пропахал, берётся за третий. И вот уже пашет всё то же поле в четвёртый и в пятый раз.

«Что такое?!» — дивятся люди.

Присмотрелись они повнимательней, и тут-то секрет открылся: от великого страха боярин ума лишился.

НИЗГУРЕЦКИЙ И СВИСТЕЦКИЙ

Дворянин Низгурецкий побывал по казённым делам в Москве. Ездил в какой-то приказ, от воеводы привёз бумаги. Говорилось в этих бумагах, что у них в Переяславском уезде покой, тишина, боярам народ послушен, бунтовства нет и, видать, не будет.

Повстречал Низгурецкий в Москве дворянина Свистецкого. Свистецкий приехал в Москву из Саратова.

— Ох, ох, страх, что в наших краях творится! — стал причитать Свистецкий. — Ошалел, побесился народ. Вор Стенька словно с цепи сорвался. — Принялся Свистецкий рассказывать, как саратовцы сдали город, как казнили они воеводу, как кричали «ура!» злодею. — Я-то чудом великим спасся. В холопьем платье от них бежал.

— А в нашем уезде спокой, тишина, — заявил Низгурецкий. — Мы от вора Москвой прикрыты.

Выпили дворяне по чарке хмельного вина. Долго о смуте народной ещё говорили. Кончилось тем, что пригласил Низгурецкий в гости к

себе Свистецкого. Согласился Свистецкий, сказал: приедет.

Объяснил Низгурецкий ему дорогу:

— Как проедешь мосток через речку Нерль, свернёт дорога одна налево, другая пойдёт направо. Так вот, чтобы попасть ко мне, надо свернуть направо и ехать лесной чащобой. Проедешь лесной чащобой, увидишь — стоят три сосны. Тут снова пойдут дороги: одна направо, другая налево. Так вот, чтобы попасть ко мне, надо свернуть налево. Проедешь полверсты по этой дороге, будут стоять две берёзы. Тут снова пойдут дороги — одна налево, другая направо. Так вот: езжай хоть налево, езжай хоть направо, прямо ко мне приедешь. Усадьба моя, — объяснял Низгурецкий, — как окончится лес, тут и стоит над рекою. Дом мой высокий. Крыльцо резное. Ворота железом стянуты. Да оно просто совсем найти. А собьёшься — любой покажет.

Через несколько дней Свистецкий направился к Низгурецкому. Едет Свистецкий, кругом тишина, покой. Сердце дворянское радуется.

Доехал он до мостика через речку Нерль. Свернул направо. Свернул налево. Проехал мимо трёх сосен и двух берёз. Вот и открытое поле. Вон там впереди, над рекой, и усадьба стоит Низгурецкого. Только смотрит Свистецкий, а усадьбы как раз и нет. Ни дома высокого, ни крыльца, как обещано, ни обитых железом ворот.

Подивился Свистецкий: «Видать, не туда заехал. Где-то с дороги сбился».

Вернулся опять к берёзам, к соснам затем вернулся. Ездил налево, ездил направо. Час ко лесил по лесным дорогам. Устал. Истомился.

Ободрался в лесных чащобах. Однако усадьбу нигде не нашёл. Вернулся Свистецкий к мосту через Нерль. Тут и попался ему мужик.

— Эй! — закричал Свистецкий. — Где здесь живёт Низгурецкий?

Объясняет ему мужик:

— Как поедешь, барин, лесной чащобой, так; проехав версту, увидишь ты три сосны. От сосен пойдут дороги: одна налево, другая направо. Так ты повертай налево. Проедешь ещё с полверсты, увидишь — стоят две берёзы. Тут снова пойдут дороги: одна налево, другая направо. Так вот езжай хоть направо, езжай хоть налево, приедешь к открытому месту...

— Так я уже там бывал, — перебил мужика Свистецкий. — Там поле кругом, да и только.

— Не сбивай, не сбивай, — осерчал мужик. — Как бы тут самому не спутать. Так вот, когда доедешь до поля, бери направо и краем леса держись ещё четверть версты. И вот тут-то... Да ты, боярин, и сам увидишь. Там осина ещё стоит.

«Ах, вот оно в чём! — догадался Свистецкий. — Про осину, видать, я забыл. Ну и хмельное вино попалося».

Поскакал Свистецкий опять к соснам, опять к берёзам, выехал к полю, свернул налево. И правда, увидел вдали осину. Пришпорил Свистецкий коня, подъехал к осине и от страха едва не помер. На осине висел Низгурецкий.

Заголосил Свистецкий ужасным криком. Вспомнил Саратов, бросился прочь. Только побоялся он ехать лесом. Помчался полем к реке. Тут и наткнулся Свистецкий на пепелище, на

сожжённый крестьянами барский дом. Лишь печь от него осталась.

Ширится. Ширится. Ширится. Разрастается пламя войны народной. Полой водой по стране идёт. За вековые и тяжкие муки платит сполна народ.

«ТИШАЙШИЙ»

— Эх, эх, — вздыхал боярин Яков Одоевский, — послал нам господь тишайшего.

«Тишайшим» называли царя. Царь Алексей Михайлович был грузен, мясист, однако характер и вправду имел спокойный.

Любил он охоту. Больше всего соколиную. Леса под Москвой завидные. Дружки у царя весёлые. Зверье на охотника так и прёт.

Да пропади ты пропадом все дела в государстве, если вздумалось поехать царю на охоту.

Мог он гоняться за зверем и день, и второй, и неделю, и месяц. В Кремле бояре лишь сидели гадали, когда лесной загул у царя окончится.

Весть о восстании Разина застала царя как раз на охоте. Привёз её Яков Одоевский.

Доложил обо всём Одоевский.

— Образуется, образуется. Пошумит народ — успокоится, — ответил боярину царь.

Недолюбливал царь Одоевского. Нет царю от него покоя. Всё время Яков Одоевский с делами различными лезет. И голос у боярина тихий, вкрадчивый, словно глотка салом гусиным смазана. И видом своим уродлив. Скула лошадиная. Бельмо на глазу. И ходит кошачьим шагом. Нет бы ступать по-мужски, с достоинством.

Отправил боярина царь в Москву, сказал: через день приедет.

Однако приехал не скоро.

К этому времени разинцы взяли Астрахань.

— Вор Стенька смуту поднял великую, — доложил государю Одоевский. — Астрахань взята боем.

— Образуется, образуется. Пошумит народ — успокоится, — ответил боярину царь.

Ответил — и тут же опять на охоту.

«Эх, эх, — вздохнул про себя Одоевский. — Послал нам господь зайчатника».

Когда царь снова вернулся в Москву, разинцы взяли Саратов.

— Царь-государь, — зашептал Одоевский, — вор Стенька вошёл в Саратов. Люди валят к разбойнику, аки на сладость мухи.

— Образуется, образуется. Пошумит народ — успокоится, — снова ответил царь.

И снова с дружками в леса уехал.

В третий раз вернулся с охоты царь. Новые вести несёт Одоевский:

— Царь-государь, вор Стенька прошёл Самару. Вся Волга в разбой ударилась. Татарва, черемисы, мордва, башкирцы — и эти к злодею кинулись. Зашаталась Русь, государь, зашаталась. Погибель идёт дворянству. Брось, государь, потехи. — Боярин повысил голос: — Али не царь ты уже дворянский!

— Ну и пристал ты, боярин, как клещ! — обозлился царь Алексей Михайлович. Даже обиделся: — А чей же я царь — холопий?

Обиделся царь, однако за зайцами на сей раз не поехал. Остался. Дал приказ собирать дворянское войско. К Волге идти походом.

ПИКЕЙНЫЙ ШКВАДРОН

Зашевелилась боярская Русь. Для борьбы с Разиным в разных русских городах срочно набирались войска.

Созывались стрельцы, пушкари, воротники. Брали в войска и дворян, и детей боярских. К местам сбора двигались копейщики, пикиеры, рейторы, драгуны, гусары, просто солдаты.

Орловский воевода Никифор Спесивцев собрал целый копейный шквадрон. Снаряжал долго. Следил, чтобы кони были у всех хорошие. Сбруя крепкая, сёдла прочные. Чтобы каждый имел боевое копьё. Чтобы у каждого был шишак — железная шапка с наушниками. Чтобы шпага или сабля была у каждого.

Старых не брал.

— Тут нужен народ позлей, помоложе. У молодых и характер решительнее, и силы побольше у них в руках, — рассуждал Никифор Спесивцев.

Осмотрел молодцов воевода. Что ни всадник, то богатырь. Что ни конь, то огонь и ветер.

— Мы же орловские, — говорил воевода. — Мы и тульских, и костромских, и тверских, и тамбовских — любого за пояс всегда заткнём. Будет царь-государь доволен.

Отписал Спесивцев царю, что собрал он пикейный шквадрон. Мол, молодец к молодцу. Кони сытые, копыя острые. Ребята надёжные. Лютости в каждом — на двух считай. Не будет пощады Разину.

Тронулись всадники в путь. Дорога через Тулу и Серпухов шла на Москву — там собиралось войско.

Проходит неделя, приезжает гонец:

— Ну, как шквадрон, воевода?

— Отправил, отправил. Молодец к молодцу. Будет царь-государь доволен.

Вторая неделя проходит. Снова в Орёл прибывает гонец:

— Где же шквадрон, воевода?!

— Отправил, отправил. Будет царь-государь доволен. Народ у меня надёжный. Молодец к молодцу. Попомнит Разин шквадрон орловский.

За вторым гонцом и третий вскоре сюда явился:

— Где же шквадрон, воевода?!

«Что за чудо, где же шквадрон?» — подумал и сам Спесивцев.

— Где?

А шквадрон в это время был уже на Дону. А с Дона пошёл на Волгу. Но не против Разина — к Разину шли пикиеры.

Часто такое тогда случалось. Бежали люди из войск боярских. Приходили к Разину и стрельцы, и копейщики, и драгуны, и рейтеры. Можно было встретить дворян и даже детей боярских.

НЕДОРОСЛИ

На службу в царёво войско ехало трое дворянских недорослей — Памфил, Боголеп и Топей.

Справа едет верхом на коне Топей.

Слева едет верхом на коне Памфил.

Боголеп между ними едет.

Самый рослый из них Памфил.

Самый низкий из них Топей.
Боголеп серединкой выдался.
Самый умный из них Топей.
Самый глупый из них Памфил.
Боголеп по умишку средний.

Снаряжали их дома на подвиг ратный. Лучших дали в дорогу коней.

По мушкету висит за спиной у каждого. У каждого сабля видна на боку. Мешочки болтаются с пулями, с порохом. Вместо шапок у них шишаки.

Едут дворянские дети. Мечтают о том, как побьют они Стеньку Разина, как вернутся домой с победой.

— Мы схватим в бою злодея и живого его привезём. Мы заслужим царёво слово.

Отъехали недоросли от дома двенадцать вёрст. Осталось без малого тысяча.

Тянулась стрелой дорога. Вдруг разошлась на три.

Остановились дворянские витязи у придорожного камня. Заспорили — какой же дорогой ехать.

— Едем направо, — сказал Памфил.

— Едем налево, — сказал Топей.

Боголеп же за то, чтобы ехать дорогой средней.

Час они громко спорили. Хорошо, что попался какой-то старик.

— Да езжайте любой дорогой. Какая кому милей. Не спорьте. Сойдутся они, сойдутся.

Поехал Памфил направо. Эта дорога свернула в лес.

Поехал Топей налево. Эта дорога пошла к реке.

Боголеп же вперёд поехал по открытому чистому полю.

Едет Памфил по лесу. О геройстве Памфил мечтает. Колокольным звоном гудит Москва. Сам царь Алексей Михалыч славой его венчает.

Размечтался Памфил о славе. Не видит Памфил того, как рядом в придорожных кустах, не отставая, крадётся людская тень.

Сравнялась дорога с ветвистым дубом. Потянулись навстречу Памфилу вилы, сразили Памфила в бок.

Едет Топей по дороге к реке. О геройстве Топей мечтает. Колокольным звоном гудит Москва. Сам царь Алексей Михалыч славой его венчает.

Добрался Топей до реки. Вброд переехал реку. Стал на высокий взбираться берег. Занеслась над Топеем с откоса коса. Рухнул мечтатель в воду.

По открытому чистому полю едет верхом на коне Боголеп. О подвигах ратных и он мечтает. Это в честь Боголепа звоном церковным гудит Москва. Сам царь Алексей Михалыч славой его венчает.

Кончилось чистое поле. Подошла дорога к крутому оврагу. Стал спускаться в овраг Боголеп.

Жаль, что глаз не устроен сзади. Не видит дворянский сынок того, как за спиной кто-то поднялся в рост. Взлетела, как меч, дубина. Ударил молотом по шишаку. Свалился с коня Боголеп. Остался на дне оврага.

Правду сказал старик — сошлись у дворян дороги.

СТАРАЛИСЬ

Ефремовский воевода Аввакум Иевлев писал царю: «Его величеству государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу холоп твой Аввакумка челом бьёт».

Писал воевода о том, что городские стены у них в Ефремове подгнили, покосились, а кое-где и вовсе обрушились. Нет у города теперь надёжной защиты. «Ако же вор Стенька придет к Ефремову, — писал Иевлев царю, — то быть, государь-царь, великой беде». Для строительства новых стен просил воевода денег.

Отписал царь воеводе, чтобы новые стены строили. Отпустил из казны денег. Завёз воевода в Ефремов дубовые брёвна. Нанял плотников. Начали строить стены.

Старший среди плотников Никита Зяблов воеводе понравился. Хоть и стар был годами Зяблов, но в плотницком деле оказался большим умельцем.

— Мы эти стены — враз, — говорил Никита. — Они и при внуках и при правнуках будут ещё стоять. Будь спокоен, отец воевода, Разин на них не сунется.

Каждый день приходил воевода, смотрел, как идёт работа. Стучат топоры, без усталости ходят пилы.

— Шибче, шибче! — покрикивает Зяблов на плотников.

Правду сказал Никита — стены растут, как в сказке. Похвалил старика Иевлев.

— Стараемся, отец воевода, — ответил Зяблов.

Похвалил воевода плотников.

— Стараемся! — гаркнули плотники.

Притомился в делах воевода. Взяла его хворь. Прележал он несколько дней в постели.

Но работа шла, не стояла на месте. И вот Никита Зяблов пришёл к воеводе.

— Отец воевода, готовы стены!

Не удержался Иевлев, поднялся на ноги, пошёл посмотреть на крепость.

Глянул — отличные стены. Высокие, крепкие, ладные. Даже выше старых на целый метр.

— Молодцы! — похвалил воевода.

Обошёл он крепость с одной стороны, обошёл со второй, с третьей, завернул на четвёртую. Смотрит, а там нет никакой стены.

— Как так! — взревел воевода.

— Не хватило, боярин, брёвен, — объясняет Никита.

— Как — не хватило?!

— Промашка у нас получилась. Зазря метром выше поклали стены. Но ничего, ничего, — говорит Никита. — Зато три стороны неприступные. Никакая их сила теперь не возьмёт. Не страшен, отец воевода, Разин.

Взвыл воевода:

— Да что ты, дурак, несёшь! Что же это тебе за неприступная крепость, если в ней целой стены не хватает?

Разводит Никита руками, еле улыбку в усах скрывает:

— Промашка, батюшка, промашка. И как это только у нас получилось? А ведь старались, старались, батюшка...

— Старались?! — кричал воевода. — Не царю, супостаты, служите! Стеньку, проклятые, ждёте. Вот я вам!

Приказал воевода плотников избить батогами. Однако писать обо всём царю и просить новых денег не стал. Не хватило для этого смелости.

Так и остался Ефремов с тремя стенами. Хорошо, что Разин не брал Ефремов.

Глава четвёртая

КАЗАЦКОЕ СЛОВО

ГУСЬ И ПРИСЕВКА

Два молодых казака Гусь и Присевка заспорили, кто больше народному делу предан.

— Я! — кричит Гусь.

— Нет, я! — уверяет Присевка.

— Я жизни не пожалею! — бьёт себя Гусь в грудь кулаком.

— Я пытки любые снесу и не пикну! — клянётся Присевка.

— Хочешь, я палец в доказ отрежу?

— Что палец. Я руку себе оттяпну!

Расшумелись казаки, не уступают один другому.

Разин в это время проходил по лагерю и услышал казацкий спор. Остановился он. Усмехнулся.

Заметили спорщики атамана. Притихли.

Посмотрел Степан Тимофеевич на молодых.

— Ну и крикуны: жизнь, пытки, палец, рука. Хотите себя проверить?

— Приказывай, атаман! Слово даём казацкое.

— Грамоте учены?

— Нет, Степан Тимофеевич.

— Так вот: кто первым осилит сию премудрость — тому настоящая вера.

Смутились казаки. Не ожидали такого. Ну и задал отец атаман задачу. Однако что же тут делать? Назад не пойдёшь. Слово казацкое брошено.

Не зря говорил про грамоту Разин. Нужны ему люди, умеющие писать и читать. Мало таких. Трудно крестьянскому войску.

Пошли казаки в церковь, разыскали дьячка.

— Обучай, длинногровый.

Сели они за буквы. Пыхтят, стараются казаки.

Только трудно даётся наука. Неделя проходит, вторая.

— Сил моих больше нет, силушек! — плачет по-детски Гусь.

— Уж лучше бы смерть от стрелецкой пули! — стонет Присевка.

Проходит ещё неделя.

— Голова ты моя, бедная ты головушка! Помру я при этом деле! — убивается Гусь.

— За что же муки такие адовы? Господи, праведный, за что покарал? — причитает Присевка.

Стонут, проклинаят судьбу свою казаки. Стонут, а всё же стараются. Слово казацкое дадено.

Прошло целых два месяца.

— Ну, ступайте, — произнёс наконец дячок.

Словно ветром дунуло в казаков — помчались быстрее к Разину.

— Осилили, отец атаман, премудрость!

— Да ну! — не поверил Степан Тимофеевич.

— Проверь!

Протянул Разин Гусю писанный лист бумаги:

— Читай-ка.

Читает Гусь. Правда, не так чтобы очень гладко. Однако всё верно, всё разбирает.

— Молодец, казак! — похвалил Разин.

Достал он лист чистой бумаги, протянул бумагу Присевке:

— Пиши-ка.

Пишет Присевка. Правда, не так чтобы очень быстро. Однако всё верно. Буквы не путает.

— Молодец, казак! — подивился Разин. — Оба вы молодцы! Порадовали. Не ожидал.

Засмущались Гусь и Присевка:

— Старались, отец атаман. Ведь слово казацкое было дадено.

КРАСАВЕЦ ЛЁВКА

Красавец Лёвка заснул в дозоре. Полагалась за это у разинцев смерть.

Однажды отправился Разин проверять, как службу несут караулы.

Ночь была тёмная, тёмная. Звёзд не видно. Луны не видно. Небо стояло в тучах. Выбрал Степан Тимофеевич время перед рассветом, когда дозорных особенно клонит сон.

Идёт Разин от поста к посту. То тут, то там вырываются из темноты голоса:

— Стой! Отзовись!

Отзывается Степан Тимофеевич. Узнают разинский голос дозорные:

— Здравья желаем, отец атаман!

Надёжно службу несут караулы. Доволен Степан Тимофеевич.

Прошёл он шесть дозорных постов. Остался седьмой, последний. Тут и дежурил Лёвка. «Красавец» он потому, что кончик носа был у него обрублен. Так в шутку окрестили его казаки. Когда-то ходил он походом в Ногайские степи. В каком-то бою и лишился носа.

Стоял Лёвка в дозоре у самой реки, на волжской круче у старых сосен.

Вышел Разин к речному откосу. Никто не крикнул на звонкий шаг. «Что такое?» — подумал Разин. Остановился. Тихонько свистнул. Минуту прождал ответа. Свистнул погромче. Опять тишина.

Прошёл Разин вдоль откоса шагов пятнадцать и тут услышал какой-то звук. Застыл атаман. Прислушался. Да это же просто казацкий храп.

Подошёл Степан Тимофеевич к спящему. Лёвку признал в нерадивом. Казак сидел на земле. Прислонился к сосне спиной. Что-то приятное снилось Лёвке. Он улыбался и даже ртом пузыри пускал. Голова чуть склонилась на дуло пищаля. Шапка сползла на лоб.

Стал заниматься рассвет. Спит беззаботно красавец Лёвка. Храпит на весь берег. Не чувствует нависшей над ним беды.

— Эка же чёрт безносый! — обозлился Степан Тимофеевич. Хотел разбудить казака. Затем передумал. Взяло озорство атамана. Решил он вынуть из Лёвкиных рук пищаля. «Ну интересно, что Лёвка, проснувшись, скажет!»

Подошёл Степан Тимофеевич вплотную к спящему. Легонько притронулся к дулу. Только потянул на себя пищаля, как тут же казак очнулся. Мигом вскочил на ноги. Разин и слова сказать не успел, как размахнулся казак пищалью. Оглоушил прикладом Разина. Свалился Степан Тимофеевич с ног.

Пришиб казак человека и только после этого стал смотреть, кто же под руку ему попался.

Глянул — батюшки светы! Потемнело в глазах у Лёвки.

Бросился Лёвка к Разину.

— Отец атаман, — тормозит. — Отец атаман! Боже, да как же оно случилось?

Не приходит в себя Степан Тимофеевич. Удар у Лёвки в руках пудовый.

Помчался Лёвка с откоса к Волге, шапкой воды зачерпнул. Вернулся. Бежит спотыкаясь. Склонился над Разиным. Протирает виски и лоб.

Очнулся Степан Тимофеевич. Шатаясь, с земли поднялся.

В тот же день атаманы решали судьбу казака. По всем статьям за сон в дозоре полагалась ему переклада. Однако Разин взял казака под защиту.

— Для первого раза довольно с него плетей.

— Почему же, отец атаман?!

— За то, что пищаль удержал в руках, достоин казак смятения.

— Да он ведь чуть не порушил твою атаманскую жизнь.

— Так не порушил. Помиловал, — усмехнулся Степан Тимофеевич, рукой проведя по темени: там шишка была с кулак.

Однако неделю спустя, когда заснул в дозоре другой казак, Разин первым сказал:

— На виселицу!

Строг был Степан Тимофеевич. Ой как строг! Умел он карать. Но умел и помиловать.

ДЕСЯТЬ И СОРОК

Не был Разин святым. Мог и сам выпить. Однако приходил в страшный гнев, когда люди перепивались.

А такое случалось.

Особенно падок к вину был казак Гавриил Копейка.

Встретил Степан Тимофеевич однажды Копейку. Разило спиртным от казака, словно из винной бочки.

Почуял Степан Тимофеевич запах:

— Пьян?!

— Никак нет, отец атаман! — нагло ответил Копейка.

А вранья Разин и вовсе терпеть не мог.

Встретил Степан Тимофеевич второй раз казака. Еле стоит на ногах Копейка. Глаза мутные-мутные. Осоловело на Разина смотрит.

— Пьян?!

— Никак нет, отец атаман! И не нюхал.

Не тронул Разин и на этот раз казака. Но пригрозил расправой.

Не помогло.

И вот как-то казак до того напился, что уже и идти не мог. Полз Копейка на четвереньках. Полз и наткнулся на Разина.

— Ирод! Ты снова пьян?!

— Ни-ни-как нет, о-о-тец ата-та-ман. — Язык у казака заплетался. — Я-я ки-ки-сет обронил в тра-тра-ве.

— Ах ирод! Ах тараруй!¹ — Обозлился Степан Тимофеевич страшно. — Эй, казаки, — плетей!

При слове «плетей» хмель из Копейки выдуло ветром. Повалился он Разину в ноги.

— Прости, атаман.

— Умеешь пить, умей и похмелье принять, — сурово ответил Разин.

Когда притащили лавку и плети, Степан Тимофеевич скомандовал:

— Десять ударов!

Всыпали.

— А теперь и ещё сорок!

— За что же, отец атаман?

---

¹ Т а р а р у й — враль, лжец, болтун.

— За враньё, за тараруйство, — ответил Разин.

Не любил Степан Тимофеевич врунов. Ложь — самым великим грехом считал.

СКОРПИОН

Казак Ксенофонт Горшок втёрся в доверие к Разину. Началось всё незаметно, по мелочам. То прочистит трубку. Горшок атаману, то пыль из кафтана выбьет, то подведёт под уздцы коня. Понадобится что-то Разину, Горшок тут как тут. Даже в баню ходил со Степаном Тимофеевичем, тёр атаманскую спину.

— Средство моё надёжное, — говорил казакам Горшок. — Я своего добьюсь. Я первой особой при отце атамане стану.

И правда. Не заметил Разин и сам того, как стал при нём Горшок человеком незаменимым, во всех делах чуть ли не первым советчиком. Но самое страшное — стал Горшок шептуном. Трёт он в бане атаманскую спину, а сам:

— Отец атаман, а сотник Тарах Незлобин выпил лишку вчера вина и словом недобрым тебя помянул.

Наговорил на Тараха Горшок. Вот что сказал Незлобин: «Зазря отец атаман дал Ксенофонту большую волю».

Прочищает Горшок атаманскую трубку, а сам:

— Отец атаман, а башкирец Амирка тоже дурное о твоей атаманской особе молвил. Вот что сказал Амирка: «Я бы быстро Горшка отвадил».

Подводит Горшок атаману коня, а сам и тут незаметно про кого-то Разину что-то шепчет.

Вспыльчив Степан Тимофеевич. Крут на расправу. Попали в немилость к нему и сотник Тарах Незлобин, и башкирец Амирка. Пострадали без особой вины и другие.

Приобрёл Горшок небывалую силу. Робели перед ним казаки. Боялись его доносов. Знали, если невзлюбит кого Горшок, несладко тому придётся.

Правда, лихой казак Епифан Гроза пригрозил Ксенофонту расправой. Однако угроза Епифана бедой для него же самого обернулась. Исчез куда-то Гроза, словно в воду, как камень, канул.

Притихли и вовсе теперь казаки. Шептуна за версту обходят.

И вдруг однажды пропал Горшок. Искали его, искали. Разин был в страшном гневе, шкуру грозился спустить с любого. Не помогло. Не нашёлся Горшок, словно и вовсе на свете нежил.

Лишь через неделю, когда стих атаманский гнев, признались разинцы Разину: утопили они доносчика.

Но теперь уже Степан Тимофеевич не ругал казаков, не спустил, как грозился, шкуру. Разобравшись за эту неделю Разин во всём, сам тому подивился, как так могло случиться, что при нём, при боевом атамане, и вдруг скорпион прижился.

Мало того, через несколько дней, когда новый казак решил занять при Разине то же самое место и, как Горшок, зашептал атаману на ухо: «Отец атаман, а десятник Фома Ефимов про те-

бя недоброе слово молвил...» — то Разин кликнул к себе казаков и тут же при всех приказал отрезать язык доносчику.

РАЗИН И КАЛЯЗИН

— Батюшка Степан Тимофеевич!

— Ну что?

Сотник Титов запнулся.

— Что же молчишь?

— Боязно говорить, отец атаман. Гневаться очень будешь.

— Ну и ступай прочь, если боязно.

Однако Титов не уходил. Уходить не уходил, но и сказать о том, ради чего пришел, тоже никак не решался.

Посмотрел удивлённо на сотника Разин. Титов — казак отважный. Что же такого могло случиться, чтобы казак оробел с ответом?

Наконец сотник отважился.

Выслушал Разин, минуту молчал. И вот тут-то гадай: то ли взорвётся сейчас атаман, то ли шутку какую бросит. Неожиданно Разин расхохотался.

— Не врешь?

— Провалиться на месте, Степан Тимофеич.

— Так всё и было? Назвался Разиным?

— Так всё и было. Атаманское имя твоё использовал.

— А ну, волоки сюда.

Через минуту в шатёр к Разину ввели чело- века.

Глянул Разин — вот это да! Атаман настоящий стоит перед Разиным. И даже внешне чем-

то похож на Разина. Шапка с красным верхом на голове. Зелёные сапоги на ногах из сафьяна. Нарядный кафтан. Под кафтаном цветная рубаха. Глаза чёрные-чёрные. Чёрным огнём горят.

— Чудеса! — произнёс Степан Тимофеевич. — Так ты, выходит, Разин и есть?

Вошедший зарозовел, смутился. Даже глаза потупил.

— По правде, Степан Тимофеич, имя моё — Калязин.

— Казак?

— Нет. Из мужицкого рода.

— Чудеса! — опять повторил Разин. Переглянувшись с Титовым, вспомнил недавний его рассказ.

Ходил Титов с группой казаков куда-то под Шацк. Заночевал однажды в какой-то деревне. От мужиков и узнал, что объявился где-то под Шацком Степан Тимофеевич Разин.

«Какой ещё Разин? — подумал сотник. — Откуда тут Разин?!»

— Разин, Разин, казак, с Дона он, — уверяли крестьяне.

Разыскал Титов того, кто был назван крестьянами Разиным.

— Ты Разин? — спросил.

— Разин, Степан Тимофеевич.

Понял Титов, что тут самозванство. Потянувшись было за саблей. Хотел вгорячах рубануть. Однако на самосуд не решился. Схватил с казаками шацкого Разина и привёз его к Разину настоящему.

Смотрит Разин на «Разина»:

— Волю людишкам дал?

— Дал.
— Работящих людей не трогал?
— Не трогал, отец атаман.
— Народу служил с охотой?
— Ради него на господ и шёл.
— Нужны атаманы, нужны, — проговорил Разин. Повернулся к Калязину: — Молодец! Ну что же — ступай. Стал атаманом — ходи в атаманах. Желаеть — будь Разиным. Желаеть — Калязиным. Зовись хоть горшком, хоть ухватом. Не дело на имени держится. Имя на деле держится.

ОТКУПИЛИСЬ

Сотник Матвей Веригин с отрядом казаков вёз Разину захваченную в одном из уездов казну. Хранились деньги в ларцах. Медные — в одном. Из серебра — в другом.

Проехали казаки самые опасные места, миновали стрелецкие заставы, заслоны. Казалось, что все преграды уже позади. Как вдруг в лесу наткнулись они на засаду.

Завязался между стрельцами и казаками ружейный бой.

Стрельцов и числом больше, и в пулях нет недостатка. У казаков же свинец на исходе. Понимает Веригин: плохи дела.

Лежат разинцы за дубами, берёзами, отбиваются. Стрельнули раз, стрельнули два. А в третий и стрельнуть у многих нечем.

Подполз к сотнику тот, что залёг от него правее:

— Батька, свинца более нет.

Подполз тот, кто лежал по левую руку:

— Батька, пришла погибель.

Хотел подняться Веригин в рост, дать команду к ручному бою. «Эх, была не была, погигать, так с достоинством». Да только в это время подполз к Веригину третий из казаков. Подполз, ругнулся недобрым словом и вдруг зашептал:

— Батька, а ежели нам откупиться? — Шепчет, а сам глазами косит на ларцы с казной.

— Откупиться?! Ах ты собака! — взревел Веригин. На минуту задумался. Потом улыбнулся: — А ну волоки ларцы.

Бросился к ним советчик, придвинул поспешно к сотнику. Сбил Веригин прикладом замки, откинул крышки.

— Вот так, атаман! Вот так! — опять зашептал советчик. — Дозволь стрельцам прокричать о деле.

Не отвечает Веригин. Подхватил он горсть монет, бросил правому из казаков. Вновь подхватил, бросил левому. Бросил другим:

— А ну заряжай!

Сообразили разинцы, набили монеты в дула.

— Ну, а теперь голоси, — приказал Веригин советчику.

Догадался, в чём дело, теперь и советчик. Поднялся казак с земли, закричал стрельцам:

— Откупного даём, откупного! Жалует вас атаман серебром и медью. Жалует вас серебром и медью! — кричит казак и пересыпает в руках монеты.

Заслышав денежный звон, стрельцы и высунулись из-за укрытий.

— Пуляй! — закричал Веригин.

Стрельнули казаки. Дым туманом схватил деревья. А когда он рассеялся — нет стрельцов

уже рядом. Трое лежат убитыми. Другие снова ушли в засаду.

Приободрились казаки и такую подняли стрельбу, что стрелы отходили всё дальше и дальше. А потом и вовсе оставили их в покое. Видать, и у стрельцов ружейный припас окончился.

Прибыл Веригин к Разину, вручает ему казну.

— Не гневись, батюшка атаман, — говорит. — Будет в ларцах недостача.

— Как — недостача? — насупился Разин.

Рассказал Веригин о стрелецкой засаде.

Слетела суровость с лица у Разина. Рассмеялся Степан Тимофеевич.

— Говоришь, откупились?

— Откупились, батюшка атаман.

РЕЧНАЯ ЦАРИЦА

Оскарка Чертёнок пристал к разинцам возле Самары. Чертёнок — это прозвище. Так казаки его окрестили. Был он то ли из-под Саранска, то ли из-под Алатыря. Родом мордвин. Немало было в войсках у Разина и мордовцев, и чувашей, и черемисов, и татар. Впрочем, Чертёнок утверждал, что он русский.

— В России живу, потому и русский.

— Ну, а веры же ты какой?

— Веры я разинской. Оттого к вам и пришёл.

Острым он был на язык.

Сражался Чертёнок вилами. Другого оружия не признавал.

— Они острые, — объяснял Оскарка. — С ними в бою лучше. Это тебе не пищаль. Их заряжать не надо.

А заряжать ружья в те времена было целым делом. И порох и пули заталкивали через дула.

Чертёнок сразу же всем понравился. Был он весёлым и добрым. К тому же умел рассказывать байки. Плёл небылицы пуще одна другой. И всегда про одно: про царицу речную. И как выглядит царица речная, и что ест, и что пьёт. Даже придумал, что в гостях у неё бывал.

— Аж под водой?! — поражались те, кто принимал любой вымысел за чистую правду.

— Под водой, — отвечал Чертёнок.

Послушать Чертёнка сбегались с различных мест. Разин тоже однажды слушал.

А как-то сотник Виригин, повстречав Оскарку и посмотрев на его вилы, в шутку сказал:

— Ты бы хоть пистоль или пищаль попросил у своей царицы.

— Да зачем мне пищаль, — начал Чертёнок. И снова пошёл про то, что вилами биться лучше. Их заряжать не надо.

— Ну так для других попроси, — подзадорил Веригин.

Плохо было с оружием в разинском войске. Пищаль или пистоль считались богатством.

— Для других попрошу, — согласился Оскарка.

И попросил.

Куда-то исчез. Три дня пропадал. Вернулся — в руках пищаль.

Все так и разинули рты. Сотник Веригин и тот поразился.

— Значит, не врал. Значит, царица имеется, — пошли голоса.

— А ну, ещё принеси пищаль.

— Две принеси пищали.

— Можно и две, — ответил Чертёнок.

Снова где-то он пропадал. А когда вернулся, глянули все и видят: как и обещано, несёт две пищали.

Секрет оказался в простом. Знал Чертёнок лесные округи. Уходил он в сторону от главных дорог. Подкарауливал одиночных стрелцов. Колот вилами. Забирал оружие.

Узнал о Чертёнке Разин.

— Молодец! — похвалил Оскарку.

Приказал Степан Тимофеевич отрядить несколько партий смелых людей. Чтобы и эти ходили лесными дорогами и тоже оружие добывали. Называли таких смельчаков добытчиками. Чертёнок с ними тоже ходил. Многие из них отличились. И Чертёнок был всегда в первых, самым удачливым.

— Помогает ему царица, помогает, — шутили разинцы.

ОТЧЕГО И ПОЧЕМУ?

Мужичонка Фрол Скобеев надоел казакам до крайности. Не давал никому покоя. Приставал постоянно с вопросами: почему, отчего, отчего, почему?

— Почему казаки землю не пахут?

Объяснили ему казаки. Мол, не землю пахать, а страну охранять — для того казаки и созданы.

— Отчего слово пошло «дуван»?

Объяснили ему казаки. Давнее это слово. Когда делят они добычу, это и есть дуван.

И дальше таких «отчего», «почему» посыпалась сотня за сотней.

Поначалу с охотой объясняли ему казаки. А потом им так надоел Скобеев, что при виде его казаки бежали, как от самого лютого зверя.

Тогда принялся Фрол Скобеев донимать пушкарей.

— Что такое наряд?

Объяснили ему пушкари. Мол, наряд — это и есть сами пушки. Так называются пушки.

— А что такое раскат?

И про это объяснили ему пушкари. Мол, раскат — помост у крепостного вала или стены, на котором ставятся пушки.

Поначалу с охотой объясняли ему пушкари, а потом, когда вопросы посыпались градом, «Ах ты аспид несчастный!» — взвыли, не выдержав, пушкари.

Оставив пушкарей в покое, взялся Фрол за стрельцов. Вслед за стрельцами терзал гребцов. Затем — драгун, пикинеров, гусар, мушкетёров. Даже приставшего к разинцам батюшку, словно палач, пытал. Этого, правда, про бога. Есть ли бог на земле? А если есть, почему не видно? Есть ли на свете ангелы? А если есть, почему не слышно? Существует ли ад и рай? И если да, то в ад или в рай попадёт после смерти сам батюшка?

Не выдержал батюшка, послал его к чёрту.

Прошло какое-то время, и вот уже не Скобеев лезет к любому с вопросами, а сам на во-

просы других отвечает. Пополняется армия Разина. Приходят в неё новички. Всё интересно новеньким.

Одному объяснит Скобеев про верховой и подошвенный бой. Верховой, мол, происходит от слова верх. Это тот бой, который ведётся на стенах. А подошвенный — тот, который идёт вниз, то есть у стен, под стенами. Другому расскажет, что такое дуван. Про ломовую пушку расскажет третьему. Мол, ломовая она потому, что от слова «ломать» происходит. Из этой пушки по стенам бьют. Про морские, речные суда расскажет. Объяснит, почему одни лодки называются «бусы», другие — «насады». А есть ещё салы. Мол, бусы — это большие морские лодки. А насады — речные. Насады они потому, что борта у них как бы нашиты, насажены. Салы же вовсе не лодки, а всего лишь плоты, и сделаны вовсе они не из брёвен, а из пучков камыша. Человека держат они с трудом. А вот одежду свою, сбрую, сабли, пистолы и пики на них казаки перевозят.

Многое знал Скобеев. Рассказывал он интересно. Слушать его интересно. Лезут к нему с вопросами. Нет никому отказа.

Подумал Разин и вдруг назначил Скобеева сотником.

Однако нашлись здесь такие, которые к Разину вдруг с обидой:

— Как! Почему?! Мы тоже не меньше знаем. Нам тоже пора бы быть в сотниках.

— Возможно, вы тоже не меньше знаете, — ответил Разин. — Только дорог не тот, кто в себе таит. Почёт наш тому, кто поделиться с другим умеет.

ПРИТЯГАТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Длинный путь прошёл с разинским войском Ермил Крупицын. Астрахань, Царицын, Саратов, Самара — всё позади. А сколько других городов, сколько сёл, деревень. То плыли в лодках, то меряли вёрсты пеши, реже в телегах побарски ехали.

Приметили разинцы: куда ни придёт Крупицын — всюду он свой человек. Люди вокруг него сразу толпой собираются. А провожают в дальнейший поход, как самого близкого друга.

Вначале гадали разинцы:

— Может, в каждом селе у него родня?

— Видать, Ермил из ямщицкого роду и в сёлах приволжских не раз бывал.

— Да нет, он струги тягал по Волге и всюду завёл знакомство.

Спросили о том Крупицына. Оказалось, отродясь не бурлачил Ермил. В ямщиках не ходил ни разу. И вообще не бывал никогда на Волге. Родом — елецкий, из неблизких от Волги мест.

И вот тут-то кто-то сказал:

— Притягательный он человек.

Присмотрелись к Крупицыну разинцы и разобрались, почему же он притягательный.

Началось всё с того, что приотстал однажды Крупицын от войска. После ночёвки в каком-то селе недосчитались его в отряде.

— Ну, — решили, — видать, сбежал. Не вынес, должно быть, Ермил похода.

Однако прошло три дня, и вот догнал Крупицын своих товарищей.

— Где же ты был?

— Где пропадал?

— Мы уже думали, леший тебя прибрал.

Отмолчаться хотел Крупицын. Не удалось. Пришлось рассказать Ермилу.

Оказывается, заночевал он в селе у какой-то одинокой старухи. А изба у старухи не изба — развалюха. Брёвна подгнили, скособочились стены. Крыша совсем провалилась. Вот и остался Крупицын в селе. Три дня крышу чинил старухе.

— Может, старуха твоя — молодуха? — кто-то полез к Ермилу.

Но шутника оборвали.

С этого дня стали разинцы наблюдать за Крупицыным. И что же?

Станет отряд на днёвку или короткий отдых. Бухнутся все на траву. Ноги гудят от усталости. Лежат отдыхают разинцы. А где же Ермил?

А Крупицын в это время то крылечко резное кому-то ладит, то вдовой стрелчихе дрова колет, то, надрываясь, брёвна с телег сгружает.

Где-то роют колодец — Ермил на подмогу. Через ручей обвалился мосток — Крупицын и тут как тут. Тянут людишки невод. Глянешь, и разинец в общем ряду. В одном месте станет Ермил у кузнечного горна. В другом соберёт детей и сказкой весёлой ребят потешит. В третьем, на лугу, косарям поможет.

— Да что ты, Ермил! — говорят товарищи. — Пожалел бы себя. Да разве ты всем поможешь!

— Что правда, то правда, — согласится Крупицын.

Однако в новом селе начинается всё сначала. И кончается тем же самым: провожают крестьяне разинца, как самого лучшего друга.

Сотни и сотни вёрст прошёл вдоль Волги Ермил Крупицын. Прошёл и всюду память в сердцах у людей оставил.

Неизвестно, где кончил свой век Крупицын. Погиб ли в бою, казнён ли на плахе. А может, он долго жил и умер естественной смертью. Только память о нём долго на Волге ещё хранилась. Во многих местах фамилию люди уже забыли. А чаще просто её не знали.

Говорили на Волге так:

— Проходил тут однажды разинец — доброй души человек, притягательный.

КРИКУН И КРАСАВЧИК

На одной из стоянок казак Мишка Бычок раздобыл петуха.

— Стянул?! — полезли к нему казаки.

— Нет, — озорно отвечает Мишка. — Мне бабка одна дала.

Однако все видят, что врёт шельмец, что стянул петуха, конечно.

Петух оказался особенный. Правда, внешне был он не очень казист. Скорее, наоборот. В какой-то драке лишился пера на шее. На одной из лап не хватало пальца. Зато...

Петушиное племя вообще непривязчиво. А этот сразу привык к казаку. Ходил за Мишкой, словно телок за маткой. И если, бывало, с Бычком кто-нибудь заговорит, сразу на тех сердился. Расправит крылья. Идёт как воин. Спешит отойти, а то немедля, разбойник, клонет.

Куры воду не очень любят. Сторонятся прудов и рек. А этот словно из утиного яйца наро-

дился. Даже, представьте, плавал. Мишка в воду, и он за ним. Мишка на струг, и тенью петух за Мишкой.

А главное, голос у петуха оказался на редкость звонким. Своим пронзительным криком будил он всех ни свет ни заря на струге. Сердились вначале разинцы. Хотели крикуна придушить. Однако привыкли скоро. А привыкнув, его полюбили. Напоминал им крик петушиный родные донские станицы, далёкие хаты, детей и баб.

Петух погиб неожиданно, но очень героической смертью. Запомнился разинцам этот день. Сидел петух на борту. День был жаркий. Палило солнце. Петька, прикрывши глаза, дремал. И вдруг привстал он на ноги, раскинул крылья и разразился особым каким-то криком. Глянули люди. Не поняли сразу. Потом разобрались. Вдоль борта проползала змея. Кто несмелый — тут же отпрянул. Другие схватились за сабли. Однако Петька опередил. Налетел на гадюку. Клювом — по черепу. Пришиб он ползучую тварь.

Однако, видать, не до самой смерти. Ухитрилась гадюка кольнуть его в шею жалом. Успела смертью ответить на смерть.

Откуда на струге взялась змея? Сама заползла ли во время стоянки? Кто-то случайно с грузом ее занес? А может, был тут недобрый умысел, кто-то нарочно ее подбросил? Струг атаманский. Всякое может быть.

Грустили в тот день казаки. Словно что-то ушло родное.

Вскоре разинцы завели нового петуха. Но этот оказался неголосист. Воды как огня боялся.

Всюду, паршивец, гадил. И хотя с виду красавцем был, однако только на суп годился.

Съели его казаки.

ОСТАЛСЯ

Лазутка Дятлов роптал на Разина. Что бы Разин ни сделал, как бы ни поступил, выходило со слов Лазутки, что сделал Степан Тимофеевич неверно, что как раз по-другому тут стоило поступить.

Когда в начале похода дал Разин команду идти на Астрахань, Дятлов сразу начал мутить людей:

— Зазря мы идём на Астрахань. Не туда атаман ведёт. Тратим напрасно время. Нам бы сразу идти на Москву, на север. Там царь и главные силы сидят дворянства.

— Нет, верно, что раньше идём на юг, — отвечали Лазутке разинцы. — Прав Степан Тимофеевич. Астрахань сильная крепость. Нельзя, чтобы у похода осталась она за спиной. Боярским ножом торчала. Если Астрахань будет нашей, вся Волга у нас в руках.

Когда в Царицыне Разин приказал чинить кремль, Дятлов и здесь, как петух, шумел:

— Да чего же его чинить! Город мы взяли. Зачем нам стены. Нет бы брёвна раздать на дрова людишкам.

— Эх, Лазутка, Лазутка, местом сидячим думаешь, — отвечали Дятлову разинцы. — Пока на Руси боярство, стены и нам нужны. Рано рушить валы и крепости. Правильно сделал Разин.

Тем, что Степан Тимофеевич дал команду

равнять крестьян с казаками, Дятлов и вовсе был недоволен. Ходил среди казаков, кричал:

— Да как же так можно равнять казака с мужиком? Мужик отродясь — холоп, казак с малолетства — вольный. Как же так, меня и холопа в одну телегу!

— Нет твоей правды, нет, — отвечают Лазутке разинцы. — В том и великая сила похода, что равняет Степан Тимофеич людей. Оттого и прут к нему новые тысячи. Мужик ли, казак, горожанин, каждый для воли и счастья рождён на свете. Вот и выходит, что Разин прав.

Не унимался Дятлов:

— Не так, не так поступает Разин.

По любому поводу с осуждающим словом Лазутка лезет. Ругал он Разина и за то, что очень крут атаман с теми, кто засыпал в дозорах:

— Не жалеет людишек Разин, не ценит казацкую кровь!

И за то, что, заметив склонность к спиртному, приказал Степан Тимофеевич всыпать кнутов Гавриилу Копейке:

— Что же, выпить нельзя казаку!

И даже за то, что заставил Разин Гуся и Присевку сидеть заниматься грамотой.

— Зачем же мучить зазря казаков? Что мы — поповского роду-племени! Да я бы...

— Ты бы, — смеялись в ответ казаки.

Все знали, что Дятлов завидовал Разину. Лазутка и сам норовил в атаманы. Мечтал стать хотя бы сотником, хотя бы десятником.

Только не избирали люди почему-то его в атаманы. Даже в сотники, даже хотя бы в десятники. Был он Лазуткой да так и остался.

ТРУБКА

Была у Разина трубка. Любимая. Из ясеня.

И вот обронил Степан Тимофеевич трубку. Стоял у борта на струге. Шлёпнулась трубка в воду. Буль — и пошла на дно.

— Эка напасть! — ругнулся Степан Тимофеевич. — Примета к тому же недобрая.

Трубка досталась ему от отца. А отцу, говорят, от деда.

— Да мы её враз! — тут же вызвались казаки.

Остановили разинцы струг. Разделись. И в воду. Ныряли, ныряли. Доставали до самого дна. А Волга — река не мелкая. Запыхались. Измучились. Нет трубки.

— Вёсла в воду, — скомандовал Разин.

Так и осталась трубка на дне речном.

Погрустил, конечно, Степан Тимофеевич. Да что же делать. «Что с воза упало, то пропало» — не зря в народе так говорят. Однако прошла неделя. И вот явились к Разину три казака:

— Получай, батюшка атаман!

Глянул Разин — трубка. Та самая: отцовская, дедова.

Не поверил вначале Степан Тимофеевич. Покрутил в руках, посмотрел. Вот и зарубка, вот и шербинка. Вот и кольцо из меди — на месте разъёма.

— Она. Та самая. Ну и лешие! — произнёс Разин. Посмотрел на казаков: — Да как вы её? Откуда?!

Переступают с ноги на ногу казаки. Пожимают плечами. Мол, гадай, атаман, как желаешь. Как достали — дело второе. Главное — трубка есть.

— Спасибо, — сказал Степан Тимофеевич. Отпустил казаков с поклоном.

Отпустил, а сам снова за трубку. Получше её рассмотрел, понял, что трубка не та. Та и не та. Схожа — тут спору нет. Две капли воды так не схожи. И всё же не та.

Усмехнулся Степан Тимофеевич.

Хотел разыскать казаков. Однако того не сделал. Решил не смущать умельцев.

Курит Степан Тимофеевич трубку. Струится над ней дымок. Струится, уходит в небо. Тает в бездонном небе.

Глава пятая

СИМБИРСКИЕ СТЕНЫ

РАЗВЕРНУЛСЯ

4 сентября 1670 года разинская армия подошла к Симбирску. Остановил Степан Тимофеевич свои войска в трёх верстах ниже города. А потом, когда опустилась ночь, переправил их на челнах вверх по течению Волги и обошёл Симбирск с северной стороны.

Симбирский воевода Иван Милославский уже давно готовился к встрече Разина, Гарнизон

у Милославского сильный — целых четыре стрелецких полка. К тому же собралось в Симбирске немало дворян из округи. Бежали они из своих имений. Искали защиты у стен симбирских.

Из бежавших сюда дворян Милославский тут же создал отряды.

Но главное, на помощь симбирскому воеводе пришёл из Саранска с войсками князь Юрий Барятинский. Дороден князь Юрий Барятинский. Многоопытен он в боях. Ходил на поляков, на шведов. Иноземным владеет боем, то есть сражаться умеет так, как учат тому за границей — совсем по последней моде.

Когда царь Алексей Михайлович отправлял князя Юрия на Волгу, в поход против разинцев, говорил государю Барятинский:

— Стыдно мне с ними биться. Рук не гоже, царь-государь, марать. Да разве там войско! Шайка разбойников. Нет тут размаха для знатного воина. Тут развернуться негде.

Ошибся князь Юрий Барятинский. Развернулся он всё же. Правда, не так, как думал.

Вывели воеводы свои войска. Приготовились к бою.

— Ты слева ударишь, князь Иван, — говорил Барятинский Милославскому. — Я же ударю справа. В клещи возьмём злодея. Потом по частям изрубим. Тесни его к Волге, чтоб скинуть в воду. Вот тут-то и будет военная мудрость.

Всё было бы хорошо, да спутал Разин боярские планы.

Ждут воеводы восставших с юга. Разин ударил с севера. Врезались разинцы в дворянское войско, прошли, как ножом по маслу.

Побежали войска боярские. Бросились воеводы в разные стороны. Милославский скорее к кремлю, под защиту дубовых стен. Барятинский тоже туда бы кинулся, да за речку Свиягу бежали его полки. Бежал за ними и князь Барятинский.

— Развернулся князь Юрий, развернулся, — смеялись разинцы. — Стоял к нам грудью, спину теперь показал.

ХИТРЫЙ НЕМЕЦ

Бросились казаки догонять уцелевших, заработали саблями, пиками.

Группа разинцев, вскочив на пригорок, увидела воина. По виду не дворянин, не стрелец. Одежда на нём необычная. Ни усов, ни бороды нет. Человек вытянул кверху руки и истошно кричал:

— Их бин¹ не русский! Их бин не русский!

Хотели казаки проткнуть его пиками. А затем схватили и доставили Разину.

— Их бин не русский, — снова твердил человек и трясся, как осиновый лист, от страха.

И верно, по-русски говорил он с трудом. Но всё же понять удалось: солдат оказался немцем. Из его слов узнали и то, что в полках у Барятинского были также датчане и шведы.

— Да ну? — поразился Разин. — И датчане, и шведы!

А потом разобрали, что были не только немцы, датчане и шведы, но и голландцы были.

---

¹ Их бин (нем.) — я есть.

— Ты смотри, и голландцы, — покачал головой Разин. — Выходит, своих не хватает!

Иноземные солдаты служили в те годы в русских войсках — нанимались за деньги. Однако не думал Степан Тимофеевич, что повстречает их здесь, в боях под Симбирском.

— Худо боярам, худо, — усмехнулся Разин. — А ты, я смотрю, хитрый — раз руки к небу задрал.

Казаки рассмеялись.

— Вас? Вас? ¹ — залепетал немец.

— Хитрый, — повторил Разин.

— Вас? Вас?

Из-за этого «вас» и прозвали казаки немца Васькой. Хотя имя его было совсем не Василий, и даже не Вильгельм, а Карл.

Смотреть на немца сходились толпами.

— Неужто немец?

— Вот это да!

— Ишь ты, кого побили! Значит, сила у нас в руках.

Смотрели разинцы на платье, на бритое лицо немца, поражались:

— Кафтан до пупа! Лицо — без волос, как локоть!

В первый же вечер казаки напоили Ваську вином. Он пел песни и даже плясал.

На следующий день немец заявил, что готов служить Разину. Стал выпытывать, сколько платят.

— Гельд, гельд ², — пояснял Васька.

Казаки вначале не поняли. А когда поняли, долго, в свою очередь, не могли растолковать

¹ Вас? (нем.) — Что?

² Гельд (нем.) — деньги.

немцу, что денег тут никаких не платят. Бьются люди по доброй охоте. И награда им будет тогда, когда всех бояр изничтожат. И наградой будут не деньги, а жизнь для всех равная, то есть каждому счастье и воля.

Немец хлопал глазами, не верил.

— Гельд, гельд, — опять твердил о своём.

Через несколько дней немец бежал.

Сообщили об этом Разину.

— Атаман, прикажи отрядить погоню.

— Бог с ним, — ответил Разин. — Пусть в живых остаётся. Может, немец вернётся к себе домой. О том, что видел и слышал у нас, расскажет.

ДЕЛИКАТНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Много в войсках у Разина прославленных атаманов: Михаил Харитонов, Максим Осипов, мариец Мирон Мумарин, чуваш Алгилда Атимов, татарин Алмакай, мордвин Павел Елашев, атаман Прокофий Иванов, которого прозвали Шумливый, прославленный Василий Ус, Михаил Чирок, атаманы Иван и Сергей Васильевы, Федор Шелудяк и другие.

Под началом у некоторых из них было по десять, по двадцать тысяч восставших.

Уходили разинские отряды от Волги на сотни и сотни вёрст. Отправлял их Разин и из Саратова, и из Самары, посылал и отсюда, из-под Симбирска.

Брали они города: Пензу, Саранск, Алатырь, Космодемьянск. Не счесть всех городов, взятых разинцами.

Вдали от движения главного войска возникали и собственные отряды. Появлялись и новые командиры.

А тут вдруг Разин узнал, что атаманом большого отряда, действовавшего под Арзамасом в Кандомском и ближайших к нему уездах, — женщина. Зовут, мол, её Алёна.

— Баба? — не поверил Разин. А потом осерчал: — Уже и мужиков не хватает на белом свете! Что же, у неё под началом, выходит, бабы?

— Да нет, в штанах, кажись, люди, — ответили Разину.

Ещё больше осерчал Степан Тимофеевич:

— Мужики и чтобы ходили под бабой! Не верю. Не может быть!

Отправил Разин под Арзамас сотника Филата Гаркушу разузнать: всё ли так, как люди о том говорят.

Приехал сотник под Арзамас, остановился в каком-то селе.

— А правду о том говорят, что атаманом над вами баба?

— Какая же баба! — обиделись местные мужики на Гаркушу. — Сам ты баба, — ещё добавили.

«Видать, сбrehали людишки отцу атаману», — подумал Гаркуша. Однако решил к Разину пока не возвращаться, а самому всё до конца проверить.

Разыскал он в лесах кандомский отряд. Увидел и атамана. Был тот статен, в кафтане, в шапке. В седле, как казак, держался.

«Мужик, как есть мужик, — подумал Гаркуша. — Да разве баба в седле удержится?»

Однако счёл нужным убедиться в этом доподлинно, чтобы Разину точный ответ привезти. Гаркуша исполнительным был казаком.

Решил сотник проверить арзамасского атамана на шип.

«Любая баба от этого взвизгнет, — рассуждал Гаркуша. — Шип её сразу выявит».

В тот же день, улучив минуту, разинский сотник и выполнил этот несложный план.

Возвращался назад, под Симбирск, Гаркуша с подбитым глазом и с огромной ссадиной на голове.

— Баба, истая баба, — доложил казак Разину. — Будь ты проклята! — сплюнул Гаркуша.

— Да что ты, откуда таким красавцем? — не смог удержаться Разин.

Признался сотник, как выполнял он атаманское поручение.

Давно не смеялся так Разин. Плечи тряслись, ходили.

— Ну, раз у бабы такая рука, раз побила самого казацкого сотника, видать, по заслугам она в атаманах!

Почему-то все называли Алёну «старицей» — «старица Алёна». Хотя она женщина вовсе была не старая, даже меньше чем средних лет. Видать, выделяли люди её за ум.

Командиром была она очень отважным. Руководила отрядом умело. Когда же попала к боярам в плен, и тут проявила героизм: перед казнью над палачами своими смеялась.

Казнили Алёну страшно, заживо бросив в огонь.

Не верили даже бояре, что это обычная женщина. Считали её колдуньей.

«НАША ВАШИМ НЕ УСТУПИТ!»

Кремль в Симбирске был деревянный. Называли его «Рубленый городок». Стоял он в центре города на «венце» Симбирской горы, то есть на самом высоком месте. Ров, вал вокруг городка. По углам боевые башни.

За стенами кремля и укрылся воевода Иван Милославский. С ним были верные ему стрельцы и дворяне.

Взяв Симбирск, Разин тут же начал и штурм кремля. Понимал Степан Тимофеевич, что не будет в Симбирске полной победы, не двинуть походом дальше, пока Милославский сидит в кремле.

— Эх бы, с ходу, единым махом!

Пошли на стены разинцы ещё в темноте.

— На приступ! На слом! — прокричал Разин. И словно открыл плотину.

Потекли отряды и слева и справа. Земля загудела от топота ног.

— Не трусь! Поспешай! — неслись команды разинских сотников.

И вдруг рядом с Разиным, у самого правого уха, да так, что Степан Тимофеевич вздрогнул, прогремел молодецкий голос:

— Наша вашим не уступит!

И тут же, но уже с другой стороны, с левого уха, те же слова, но ещё зычней:

— Наша вашим не уступит!

Две ватаги обтекли Разина, чуть не сбив атамана с ног.

— Ну и лешие! — ругнулся Разин. Затем улыбнулся. Темнота укрывала бегущих. Но удалцов он признал.

Было это ещё в Царицыне. Во время ремонта царицынских стен.

— Не ленись! Поспешай! — неслись команды разинских сотников.

Степан Тимофеевич ходил, наблюдал за работой. Вдруг рядом с Разиным, прямо у правого уха, гаркнуло:

— Наша вашим не уступит!

И в тот же момент, но уже с левого уха, словно эхо, в ответ:

— Наша вашим не уступит!

А потом и справа и слева:

— Берегись, атаман!

Разин мотнул головой налево, направо. Видит, бегут две ватажки. В каждой человек по двадцать. Тащат огромные брёвна. Состязаются, кто первым с брёвнами к стене добежит. Несутся, и каждый кричит:

— Наша вашим не уступит!

— Сама пойдёт, сама пойдёт...

— Наша вашим не уступит!

— Сама пойдёт, сама пойдёт...

Залюбовался Степан Тимофеевич. Парни статные. Красивые, один к одному. Богатыри русские.

Вторая встреча произошла у них под Самарой: переправлялись разинцы с одного берега Волги на другой. На той стороне горели костры, варились для разинцев щи и каша.

Плыл Разин в челне, вдруг слышит с правого борта:

— Наша вашим не уступит!

Только повернул Степан Тимофеевич голову направо, как тут же ударило слева:

— Наша вашим не уступит!

Состязаясь между собой, разинский чёлн обходили две лодки. Признал Степан Тимофеевич молодцов. И те опознали:

— Привет атаману!

И снова своё:

— Наша вашим не уступит! — Лишь вёсла крылом взлетели.

Посмотрел на парней Степан Тимофеевич, не сдержался и сам.

— А ну, не отстать! — бросил своим гребцам.

Рванули гребцы что есть силы. Присоединился атаманский чёлн к гонке.

Пришли к берегу все разом. Лица у всех возбуждённые. Азартом глаза горят.

— Молодцы! — бросил парням Степан Тимофеевич. А сам подумал: «Ради чего же гнались? Прыть-то, поди, из-за каши. Тьфу!»

И вот встреча теперь в Симбирске. Слева и справа от Разина море людей. Мелькают армяки и рубахи, свитки и казацкие шапки, сабли, пищали, вилы, пики, рогатины и топоры. Тысяча жмётся к тысяче, сотня бежит за сотней. И всё это колышется, всё это движется, несокрушимо несётся туда — к самой вершине Симбирской горы. И где-то уже оттуда, издалека, прорывают предрассветную темноту знакомые голоса:

— Наша вашим не уступит!

— Наша вашим не уступит!

Вместе со всеми парни идут на штурм.

— Удалой народ, удалой! Эка лихости сколько! — восторгается Разин. — Им что каша, что труд, что бой — лишь бы не быть в последних. Вот ведь натура русская!

РОЗГИ

При взятии Симбирска попал к разинцам огромный обоз. Были в нём и хлеб, и соль, и ядра для пушек, и порох. Была и всякая обозная рухлядь: подковы, уздечки, колёсные спицы, дёготь, верёвки, гвозди. Были и... розги. Целых три воза. Ведал обозным хозяйством дворянин Ягужинский. Он и придумал розги.

— Для злодея везу, для злодея, — говорил Ягужинский. — Как побьём воровской народ, так и устроим великую сечу. Насмерть их, розгами. Для того и везу.

Отличался Ягужинский лютостью редкой. Вёз он не только розги. Были на обозных телегах и кнуты, и плети, и колоды с цепями, был и палаческий инструмент: топоры, пруты из железа, петли для виселиц, пыточные щипцы для раздиранья тела. Находился при обозе и свой палач.

— Я человек запасливый, — говорил Ягужинский. И похихикивал: — Каждый третий пойдёт на виселицу, каждый пятый сядет на кол. Ну, а розги, эти, конечно, всякому.

Однако получилось всё вовсе не так, как мечталось о том Ягужинскому. Приехали розги с обозом в Симбирск. Тут и достались восставшим. Достались не только розги, но и сам Ягужинский.

— Розги? — переспросил Разин, когда донесли ему об обозном хозяйстве.

— Розги, батюшка атаман. Целых три воза. А есть ещё и кнуты, и плети, и палаческий, и пыточный инструмент.

— Ах ты! — вскипел Степан Тимофеевич. —

Целых три воза. И плети, и розги! Кто лютость сию придумал?

— Дворянин Ягужинский, — сообщили Разину. — Дозволь, батюшка, его самого его же гостинцем попотчевать.

Усмехнулся Разин:

— Ну раз так... Раз он до этих вещей охочий, раз он розог, плетей любитель — быть по тому, насыпать ему для пробы.

Схватили разинцы Ягужинского, содрали в момент штаны и рубаху, разложили пластом на лавке. Разобрали с возов плети и розги, построились в длиннющий, длиннющий ряд. Без малого на целую версту растянулись.

Вечером Разину доложили:

— Кончился Ягужинский. Засекли, атаман. Не дышит.

— Как — не дышит?! — осерчал Разин.

— Не выдюжил, батюшка.

— Эх, меры людишки не знают, — вздохнул Степан Тимофеевич. — Лютость пошла на лютость.

Обиделись разинцы:

— Не мы начинали!

— А нас бы помиловал?

— Да он же сам виноват. При его-то дворянской хлипкости и сотни розог, поди, хватило. Зачем же три воза брал.

ДВА КАЗАКА

Сдружились они в походах. Два казака, два разинца. Запорожский казак и казак донской. Иван Сорока и Фрол Телегин.

Вместе бились, вместе сражались. Под одной кошмой ночевали. В персидские земли ходили вместе. Астрахань штурмом брали. Голодая, делили краюху. Каплю воды на двоих делили. Вместе кубки хмельные пили.

На привалах вспоминали своих девчат. Сорока — свою Марийку, Телегин — свою Дуняшу. Вспоминали родные земли. Сорока — своё Запорожье, бурный широкий Днепр. Телегин — равнины вокруг Черкаска, тихий и плавный Дон.

Жили два казака, словно родные братья. И радость и горе у них пополам. Всё тут на равные доли. И смерть им выпала — одна на двоих.

Не взяли разинцы при первом штурме Симбирский кремль. Люто сражались стрельцы и дворяне. Знали: не будет им от восставших пощады. Били картечью. Ядра горохом из пушек сыпали. Лили сверху, со стен, смолу.

Отвёл Разин бойцов на отдых.

При новой атаке Разин дал команду кремль запалить. Натаскали ночью разинцы хворосту, дров. Прикатали телеги с сеном. Обложили в нескольких местах кремлёвские стены.

— По-о-шёл! — командовал Разин.

Взметнулось по стенам пламя. Поползло языками вверх. Лизнуло ночное небо. Рассыпалось на сотни и тысячи искр.

Принялись стрельцы и дворяне огонь тушить.

— Сбивай его! Солью дави! Песком! — надрывал глотку воевода Иван Милославский. — Воду — безрукие! Во-о-ду!

В это время и начался новый штурм.

Иван Сорока и Фрол Телегин бежали вместе со всеми. Припасли они длинную лестницу. По этой лестнице и хотели подняться на стены.

Добежали друзья удачно.

— Доброе дело, доброе, — приговаривал Разин, наблюдая за огнём и атакой. — Вот так-то, воевода Иван Милославский. Вот так-то тебя — за горло двумя клещами.

Однако, подпустив разинцев к стене, осаждённые как бы спохватились.

— Пищали к бою! Смолу на стены! — гудел Милославский.

Когда Телегин и Сорока прислонили к крепостным брёвнам свою лестницу, сверху началась такая пальба, что лишь чудом они уцелели.

Глянули казаки налево, направо — в живых только их двое.

Приостановилась атака и тех, кто шёл за первыми следом. Не решаются люди под пули двигаться.

Стоят у стены казаки. Стоит Телегин и не видит того, как сверху в него стрелец из пищали целит. Не видит Телегин, но видит зато Сорока. Проворен в бою Сорока. Выхватил из-за пояса пистолет. Спас друга от верной гибели.

Не заметил Телегин стрельца, который в него из пищали целил, зато заметил другого. Другой же в Сороку целил. Проворен в бою Телегин. Выхватил из-за пояса пистолет. Спас друга от верной гибели.

Улыбнулись друзья друг другу. Прокричали своим:

— Братцы, не трусь!

— Братцы, вперёд!

Бросились казаки вверх по лестнице и увлекли своим примером других.

Они уже были у самого верха. Вот уже рядом обрез стены. Но тут над Иваном Сорокой

нависла стрелецкая секира. Смотрит железным жалом. Миг, и быть бы Сороке в беде. Но рядом Телегин. Ловок в бою Телегин. Выкинул саблю навстречу удару. Выбил секиру из рук стрельца. Выбил одну секиру, но рядом уже другая. Нависла она над самым Телегиным. Смотрит железным жалом. Миг, и быть бы в беде Телегину. Но рядом Иван Сорока. Ловок в бою Сорока. Выкинул саблю навстречу удару. Выбил секиру из рук стрельца.

Улыбнулись друзья друг другу.

Еще шаг, и быть бы казакам на стене.

И в эту секунду...

У Милославского был отряд лучников. Их стрелы и при первой атаке положили немало казацких голов. Били они и сейчас без промаха.

Выскочил лучник на стену кремля. Простилась стрела с тетивой. Пробила Сороке грудь, достала грудь и Телегина.

Рухнули вниз казаки.

На волжском обрыве, в общей могиле, спят они вечным сном. Два казака, два разинца. Запорожский казак и казак донской. Иван Сорока и Фрол Телегин.

Ходит над ними солнце. Ходит над ними месяц. Звёзды им с неба светят. Плещет о берег Волга. Ветры бегут над обрывом. Песни о дружбе казацкой поют.

БАБКА

Явилась к Разину бабка. Старая-старая. Согнулась от возраста бабка. Без клюки шагу ступить не может.

— К тебе пришла, атаман. В войско твоё ка-
зацкое.

— Эка шутница ты, старая! — рассмеялся
Степан Тимофеевич.

— К тебе, к тебе, принимай, — повторила
старуха. И даже клюкой о землю пристукнула.

— Ну и ну, — покачал головой Степан Тимо-
феевич. — Ты что же, саблей казацкой владеть
умеешь?

— Нет, не умею.

— Может, стрельбе из пищалей обучена?

— Не приведи господи, — закрестилась ста-
руха.

— Так, может, в пушкарном деле ты масте-
рица великая? — усмехнулся Разин.

— Нет, — заявила бабка. — Я слово волшеб-
ное знаю.

— Волшебное слово?

— Его, его, отец атаман. То слово страх из
людей изгоняет.

Глянул искоса на бабу Степан Тимофеевич,
задумался. А дело всё в том, что в войсках у Ра-
зина много было таких, кто впервые ходил под
пули. Вот и попадались порой людишки, на ко-
торых страх находил перед боем.

Запомнился Разину случай. При штурме
Симбирска заметил он парня. Парень как па-
рень. Молод и строен. Не хуже любого другого
скроен. Только страх у него в глазах. Пристроил-
ся парень сзади всех прочих. Шепчет:

— Царица небесная, мать божья... — то
есть храбрости парень просит.

Не помогла царица небесная. Не послала
храбрости парню. Не сдвинулся бедный с места.
Мало того — весь бой просидел в кустах.

Посмотрел на бабу Степан Тимофеевич:

— Ладно, умельство твоё испробуем. — Показал он бабу на трусливого парня: — Начинай вот хотя бы с этого.

На следующий день при штурме кремля Разин стал наблюдать за парнем. Парень как парень, молод и строен. Не хуже любого другого скроен. Только новое что-то в парне. Где же страх у него в глазах?

Двинулся парень со всеми в атаку. На стены Симбирска геройски лазил. Цел-невредим вернулся.

— Вот это да! — не сдержался Разин.

Слух о том, что появилась в войсках ворожея, быстро прошёл между разинцами. Немало людишек ходило к бабу. И каждый потом — в героях. Поражался такому Разин. Сам в волшебную силу старухи уверовал. Вызвал Степан Тимофеевич бабу:

— Колдовство-то твоё откуда? Волшебное слово в чём?

Усмехнулась Разину бабу, потянулась к атаманскому уху:

— Колдовства-то, родимый, нет.

— Как нет?! Своими глазами видел.

Вновь усмехнулась бабу:

— Доброе слово сказать перед боем — вот и будет волшебное слово.

ГОВОРИЛ МАКАР САЗОНОВ

— Ну, братцы, прощайте. Спасибо за хлеб, за соль, за дружбу, — говорил Макар Сазонов. — Путь вам удачный, дальний, а я пришёл. Дере-

венька моя рядом. Речка у нас Свяга. — Был Сазонов из этих мест, из Симбирской округи. — Город я взял. А кремль и без меня осилите.

Случай ухода из разинской армии был не первым. Уходили люди и под Саратовом, и под Самарой, и во многих других местах. Покидали боевые отряды по одному, по два и даже целыми группами.

Добирались, как Макар Сазонов, до родных мест и расходились.

— Мы своё сделали, — говорили они. — Спасибо отцу атаману. Наша земля свободна. Пусть за другие места повоюют теперь другие.

Тянуло крестьян к дому, к земле. А тут ко всему поход совершался летом. Созрели хлеба. К хлебам мужиков манило. Убирать, молоть, на зиму припасы делать.

Разин удерживал и не удерживал. Понимал он мужицкую душу. Да и ведь силой людей не возьмёшь.

— Не держу, — говорил Разин. — Однако торопитесь. Рано бежите к стойлам. Рано. Тем, что пришли домой, дело ещё не кончилось.

Правда, войско всё время росло. Одни уходили, зато приходили другие. Но новый народ был необстрелянным. Без нужной военной выучки. В походах незакалённый. Ему и цена другая. Войско от этого слабо.

С Макаром Сазоновым Разин завёл более крутой разговор.

— Уходишь?

— Отпусти, отец атаман. Тутошний я, симбирский. Да я же своё сработал.

Разин вскипел:

— Работнички! А кому же Казань, Нижний,

Владимир братъ? Кому из Москвы выжигать боярство?!

— Да там же народ казанский, нижегородский... Каждому, стало, и братъ своё. Найдутся и там людишки.

— «Своё»! — ругнулся Степан Тимофеевич. — Да если все врозь, что же у нас получится! Сила, считай, не в пальцах, а в кулаке. — Потом сказал уже тише: — Тут надо один к одному. Побьют нас бояре порознь.

Однако Сазонов всё же ушёл. Барин из их деревеньки бежал. Прибыл Макар домой — благодать. Мирно журчит Свияга. Для тебя и земля, и воля. Солнце тебе на небе.

Только рано радовался Сазонов. На помощь засевшему в Симбирском кремле воеводе Ивану Милославскому спешили царские войска. Вёл их снова князь Юрий Барятинский, тот самый, побитый Разиным в первом бою.

Один из дворянских отрядов и ворвался в деревню, в которой жил Макар Сазонов.

Схватили дворяне Макара. Люто его пытали. А потом для страха другим повесили.

Вспомнил, погибая, Макар Сазонов слова Разина, вспомнил, да поздно.

«ХОТЕЛОСЬ ЛЮДЯМ В ТАКОЕ ВЕРИТЬ»

Побился Оскарка Чертёнок с казаками об заклад, что первым ворвётся в Симбирск.

За первой атакой была вторая. Однако держался симбирский кремль.

— Эх, пушек мало, пушек! — сокрушался Степан Тимофеевич.

Плохо было не только с пушками. Пищаль одна на десятерых. Пистолет один на целую сотню. Ходят разинцы в атаку с топорами, копьями, вилами.

Чтобы сберечь людей, дал Разин отбой к атакам.

Решил Разин рядом с одной из сторон кремля, поближе к стене, насыпать высокий вал. А потом от этого вала протянуть переходы к стене. И по переходам на стены кремля ворваться.

Две недели готовили восставшие вал. Насыпали его и ночами и днями.

Вместе со всеми работал и Оскарка Чертёнок. Таскал мешком землю. Бегал проворно. Казалось, лапти земли не касались.

Началась осень. Низко над Волгой ползли облака. На улицах ветер бросался пылью.

В один из таких непогожих дней примчался к Разину всадник:

— Отец атаман, боярское войско идёт к Симбирску.

Это к Симбирску подходил князь Юрий Барятинский.

Через день снова гонец:

— Отец атаман, боярское войско всё ближе и ближе.

За этим и третий гонец примчался:

— Отец атаман, Барятинский рядом.

Не достроив до конца переходов, Разин дал команду к третьему штурму кремля. Расчёт был таков: ворваться в кремль до прихода боярских войск.

Разинцы стали заваливать проёмы между валом и крепостной стеной поленьями, брёвнами, хворостом, создавая из них настил.

И хотя пули врагов косили людей нещадно, и хотя ударили пушки из крепости, не дрогнули разинцы. Настил рос, рос. И вот подошёл к стене. Всё выше он, выше. Ещё немного, и откроется путь на стены.

— Ну держись! Ну берегись! — посылали разинцы угрозы в сторону крепости. — Ну-ка, Оскарка, берись за вилы!

И вдруг непредвиденное. С крепостной стены полетела вниз горящая пакля. В одном месте, в другом, в третьем, четвёртом, пятом... Коснувшись сухого хвороста, она взметнула немедленно пламя.

Все поняли: стрельцы поджигают настил.

— Вали больше! Больше вали! — закричал Разин, показывая на поленья. Он надеялся верхним слоем поленьев прибить огонь.

Но дерево было сухим. Гигантский костёр зверем метнулся к небу.

На минуту у Разина мелькнула мысль: может, пламя пойдёт на стены и получится то, с чем не справились в прошлый раз, — пожар, уничтожив настил, уничтожит и стены кремля.

Но ветер дул не с руки, гнал огонь не к стене, а к штурмующим, к валу.

Попятились люди. Попятился Разин. У кого-то вырвался вздох:

— Эх, птицей на ту бы сторону!

И вдруг Оскарка Чертёнок сорвался с места. Подхватив свои вилы, ринулся разинец в пламя.

Замерли все. И тут же:

— Леший!

— Оскарка!

— Чертёнок!

Хотели люди вернуть смельчака. Но пламя укрыло героя.

Прошла минута, вторая. И вот опять увидели все Чертёнка. Уже там, за огнём. У самой стены. Жив, невредим Чертёнок.

Как он взлетел на стену, никто не понял. Но он стоял на самом её верху. И только одежда его горела.

Чертёнок вдруг побежал по стене. Заработал, как пикой, вилами. Взлетали на вилах тела стрельцов. Взлетали и тут же снопами падали: направо — внутрь кремля, налево — по эту сторону.

Чертёнок исчез со стены, словно растаял. Закрыл на минуту героя дым, а когда расступился — нет на стене Чертёнка. Нет, словно людям всё это привиделось. А может, и вправду привиделось? Может, и не было вовсе Чертёнка там?

Перекрестились разинцы. Один — за добрую память героя. Другие, те, что в силы волшебные верили, — за вечную жизнь. Надеялись люди: а вдруг объявится вновь Чертёнок?

— Может, он птицей ушёл в поднебесье!

Хотелось людям в такое верить.

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Князь Юрий Бярятинский стоял у реки Свяги. Навстречу ему, стараясь удержать, не пропустить боярское войско к городу, Разин и вывел свои отряды.

Здесь, на холмах у Свяги, он и дал свой последний бой. Запели медные дудки. Сила пошла на силу.

Войска у князя были отборными. Почти каждый в полках дворянин, сын боярский, слуга государев. Были и иноземные ратники.

У дворян пушки, пищали, мушкеты. Кони добрые, сытые. Скакун к скакуну. В кольчугах всадники, в железных нагрудниках.

И всё же поначалу трудно было сказать, кому упадёт удача. С такой силой ударили разинцы, что Барятинский было дрогнул. Битва завязалась в разных местах. И если в одном побеждал Барятинский, то сразу и в другом, и в третьем верх доставался разинцам. Хотя и ходили они в атаки порой с топорами, с рогатинами. А многие просто с дубинами.

Однако сила есть сила, пушки есть пушки. Оправился вскоре Барятинский. Собрал дворян на одном из холмов. Расставил, устроил засады. И отсюда, с холма, начал атаку на разинцев.

На атаку Разин ответил атакой.

Повёл он на холм казаков. Врезались конники в дворянское войско.

— Руби-и! Секи-и! — кричал Разин.

Дворяне попятились. «Уж больно шибко», -- подумал Разин. Но азарт сечи его увлёк.

— Коли-и! Работа-ай!

Рубится Разин. В седле приподымается. Удары налево, направо шлёт. Сабля обрушится молнией и снова взлетает к небу. Конь дрожит под наездником. Разин весь в битве. Шапка чуть сдвинута. Губа чуть прикушена. Взгляд ястребиный. Глаза чёрным огнём горят.

Взлетели казацкие кони на холм. И тут — вот она хитрость князя. На вершине холма за его укрытием, уставив чугунные дула, на разинцев смотрят пушки.

— Па-али!

Метнули пушки зарядом в лошадиные морды. Конское ржанье и конский хрип.

В ту же минуту за пушками выросли враз стрелки. Ударили громом пищади. За первым рядом стрелков — второй. Снова огонь и пули.

Всё смешалось в рядах казаков.

А слева и справа, выходя из овражных засад, уже летела на Разина дворянская конница.

Развернулся Степан Тимофеевич врагу навстречу. Снова взлетела сабля. Ястребиный метнулся взгляд.

— Ру-уби! — выпалил Разин.

И в это время пуля ударила атамана в ногу, в бедро.

— Эн не возьмёшь!

Хоть и скривился Разин от боли, но саблю из рук не выпустил. Послала сабля налево, направо смерть. А третий удар не вышел. Повис над Разиным дворянский палаш. В глазах метнулись земля и небо.

— Братцы, спасай атамана! — услышал Разин, валясь с коня. — Батьку спасай. Без батьки всему погибель.

Через час всё было закончено. Князь Юрий Барятинский под трубные звуки вступил в Симбирск.

РАЗИНКА

Верные казаки везли Разина домой, на родную донскую землю. Между Волгой и Доном ночевали они на маленьком хуторе. Бережно перенесли раненого атамана в избу.

Вскоре к Разину подошёл мальчик, подросток, протянул яблоко.

— Откушай, Степан Тимофеевич... Разинка.

— Что?!

— Разинкой называется, — объяснил мальчик.

Брови атамана от удивления приподнялись. Он глянул по сторонам и припомнил.

Было это в 1667 году, при первом походе Разина с казаками на Волгу. Вот и тогда он ночевал на этом же самом хуторе. Старик хозяин поутру возле дома высаживал яблоньки. Засмотрелся Степан Тимофеевич:

— Давай помогу.

— Доброе дело, — ответил старик.

Выкопал Разин ямку. Посадил яблоньку. Маленькую, ещё без листочков. Хиленький, тоненький стебелёк.

— Приезжай, Стёпушка, через три года. Отведать разинку, — приглашал атамана старик.

И вот прошло не три, почти целых четыре года. «Привела всё же судьба, — подумал Разин. — К хорошим делам приводит».

— А где же дедусь? — спросил он у мальчика.

— Помер. Ещё по весне. В самый садовый цвет. А как помирал, всё кликал тебя, Степан Тимофеевич. Всё про яблоньку говорил. Беречь её и нам, и тем, что после родятся, наказывал.

Утром Разин глянул на дерево. Стояло оно молодое, пышное, сильное. Пустило крепкие ветви в стороны. И висели на нём яркие, крупные, в два казацких кулака, душистые яблоки.

«Разинка!» — произнёс про себя Степан Тимофеевич. Приказал он отнести себя на могилу дедову, поклонился и тронулся дальше в путь.

Всю дорогу Разин говорил о садах.

— Красота-то какая! По всему Дону, по всей Волге, по свету всему посадим такую прелесть. Скинем бояр — за сады возьмёмся. Чтобы полыхало по весне белым огнём вокруг. Чтобы к осени ветки до корня гнулись. Да что сады — жизнь перестроим. Перепашем, перевернём сошником. Травы дурные — вон. Колос — наружу. Чтобы в радость великую людям. Чтобы счастье всему народу.

ГРОЗНЫЙ ВСАДНИК

Не дожил Степан Тимофеевич до счастливого времени. Не осуществил он свои мечты.

Вскоре после возвращения на Дон Разин был схвачен богатыми казаками.

Скрутили цепями Разина, повезли на расправу в Москву. Везли осторожно, под сильной стрелецкой охраной. Вперёд выезжали дозорные. Смотрели, чиста ли дорога. Нет ли в пути засад.

Неспокойно было ещё кругом. Ещё бурлило море войны народной. Било гневом в боярский берег. На Каме, Ветлуге, Оке и Хопре ещё бродили отряды восставших. По Волге гулял атаман Шелудяк, ближайший сподвижник Разина.

Сидел в телеге, не двигаясь, Разин. Идёт дорога то вниз, то вверх, то тонет в глуши низиной, то тянется к самому небу.

Смотрит на небо Степан Тимофеевич. Бескрайним простором оно зовёт. Волей, свободой дышит.

«Нет, не будет великому делу конца, — сам с

собой рассуждает Разин. — Не стерпят боярских колодок люди. Может, и рано взлетел орёл. Крылом неокрепшим взмахнул до срока. Поспешили людишки к высям. Нет, не рано! — Разин тряхнул головой. Блеском глаза наполнились. — Пусть не закончили мы поход. Закончат его другие».

— Браты, Стенька, гляди, задвигался, — прошёл шёпот среди стрельцов.

— Глаза-то, глаза — чёрным огнём горят. К добру ли сия примета.

«Бояться! — злорадно подумал Разин. — И стреноженный, значит, конь не лишился ещё копыта».

Казнили Разина в центре Москвы, на Лобном месте, на Красной площади.

Степан Тимофеевич стоял на плахе. Дьяк монотонно читал приговор. Но не следил за словами Разин. Смотрел он на площадь. Не туда, где толпились в первых рядах бояре. А дальше, за них, за боярские шапки, туда, где жался простой народ.

Смотрел на людей атаман. И вдруг он ясно себя увидел не здесь, не на плахе — верхом на коне, на волжской высокой круче. Даль перед ним и простор.

«На штурм! На слом!» — зазвучало в ушах у Разина.

И сразу поднялись ряды казаков. Словно волны, шли люди на приступ. Как только кончался ряд, за ним надвигался новый. Третий, четвёртый, пятый... Гудела кругом земля. Ветер стучался в лица.

«На штурм! На слом!» — неслись голоса.

И не было людям счёта.

Разин прикрыл глаза. Но не уходило, стояло, как явь, видение.

Степан Тимофеевич сжал кулаки:

— Нет, не будет великому делу конца. Не жить на Руси боярству!

Через минуту свершилась казнь.

Взлетел в руках палача топор. Взлетел. Опустился.

Не стало Степана Разина. Кончил свой век атаман. Но ещё долго в страхе жило боярство.

Послышится стук копыт по дороге — затрясутся осинкой боярские ноги. Ветер ударит в окна — сердце замрёт и ёкнет. Половицами в доме скрипнет — боярин проснётся и дико вскрикнет.

Долго ещё на Руси снились боярам страшные сны. Снился им грозный всадник.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая

КАК ГОРОДА БЕРУТ

Княжеский конь	5
Страна Ишпагань	7
Чалма	9
«Равен один одному»	11
Голова	13
Разинский городок	15
«Спаси-и-те!»	18
Не осудит	20
Цветики-ягодки	22
Астрахань	25
Страшнее дьявола	28
Треть аршина	30
Две руки	32

Глава вторая

ВЫШЕ ДЕРЕВЬЕВ ВЗЛЕТЕЛИ КАЧЕЛИ

Царское ложе	35
Двенадцать дважды	38
Варфоломейка	40
Егор и Яков	42
Атаманское расположение	44
Раф Галушка	46
Кто помогает	48

Проморгали	50
Баширка	53
Райская ягода	55
Дело было в крутых Жигулях	58
Качели	60

Глава третья

СНЯТСЯ БОЯРАМ СТРАШНЫЕ СНЫ

Епифан Кузьма-Желудок	63
Верхний Ломов, Нижний Ломов	65
Приют и покой	67
Великий Гагин	69
Монашенки	71
Смекалистый	73
Чудеса	74
Низгурецкий и Свистецкий	76
«Тишайший»	79
Пикейный шквадрон	81
Недоросли	82
Старались	85

Глава четвёртая

КАЗАЦКОЕ СЛОВО

Гусь и Присевка	83
Красавец Лёвка	91
Десять и сорок	93
Скорпион	95
Разин и Калязин	97
Откупились	99
Речная царица	101

Отчего и почему?	103
Притягательный человек	106
Крикун и красавчик	108
Остался	110
Трубка	112

Глава пятая

СИМБИРСКИЕ СТЕНЫ

Развернулся	114
Хитрый немец	116
Деликатное поручение	118
«Наша вашим не уступит!»	121
Розги	124
Два казака	125
Бабка	128
Говорил Макар Сазонов	130
«Хотелось людям в такое верить»	132
Последняя битва	135
Разинка	137
Грозный всадник	139

Для начальной школы

Алексеев Сергей Петрович

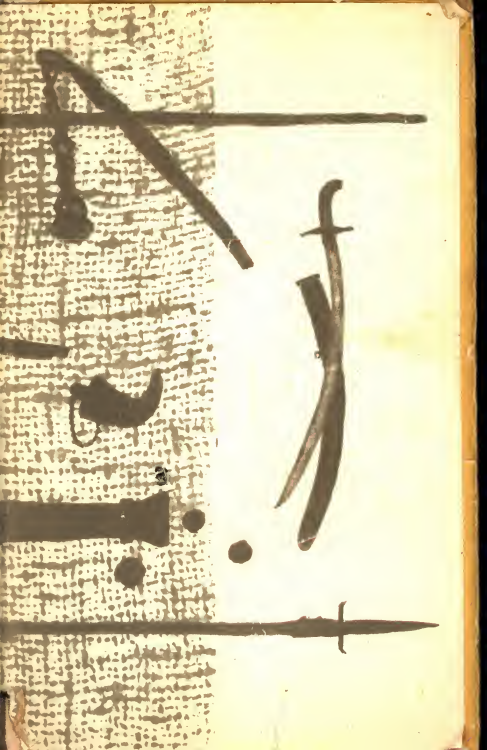
ГРОЗНЫЙ ВСАДНИК

Ответственный редактор Н. И. Максименко. Художественный редактор М. Д. Суховцева. Технический редактор И. П. Данилова. Корректоры Е. Б. Кайрукшис и Л. М. Короткина. Сдано в набор 23/IX 1966 г. Подписано к печати 23/XI 1966 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 4,5. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 5,55. Тираж 100 000 экз. ТП 1966 № 431. Цена 28 коп. на бум. № 2.
Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.
Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Суздальский вал, 49.
Заказ № 5012.

Цена 28 коп.

11.11.41
О. Руп. 27